

Творческая лаборатория
Международной литературной конференции
по вопросам фантастики "РосКон"
представляет

Ирина Лазаренко

ЖАТВА

СБОРНИК РАССКАЗОВ И ПОВЕСТЕЙ

«РосКон» представляет автора

Ирина Лазаренко

Жатва (сборник)

«Региональное отделение продюсерского центра
при Интернациональном Союзе писателей»

2017

УДК 821.161.1
ББК 82(2 Рос=Рус)6

Лазаренко И.

Жатва (сборник) / И. Лазаренко — «Региональное отделение продюсерского центра при Интернациональном Союзе писателей», 2017 — («РосКон» представляет автора)

ISBN 978-5-906916-81-5

Все истории неоднозначны, как резаное пиво или слоёный торт, а у некоторых есть ещё и двойное дно. Выбирайте рассказы под настроение и воспринимайте каждый из них по-разному – в зависимости от того, как глубоко вам хочется нырять сегодня. Желаете задорных приключалок в ярком антураже – читайте и наслаждайтесь. Настроены покопаться в глобальных проблемах, удивиться жестокости добрых историй или ухватить позитив во мраке – присмотритесь внимательней, и вы получите всё это с лихвой. Социальная фантастика, фэнтези, сказки и хоррор, конспирологические теории, неожиданные развязки и много изюма. Даже при поверхностном чтении вам не покажется, что его не досыпали. В каждой новелле – больше, чем кажется на первый взгляд. Вы внимательно смотрите?

УДК 821.161.1
ББК 82(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906916-81-5

© Лазаренко И., 2017
© Региональное отделение
продюсерского центра при
Интернациональном Союзе
писателей, 2017

Содержание

Деликатная напасть	8
Рывок № 132	20
Дизлайк	22
Последняя осень	28
Приручить принцесску	31
Вопрос доверия (из цикла «Неизлечимые»)	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Ирина Лазаренко
Жатва. Сборник рассказов и повестей

© Ирина Лазаренко, 2017

© Интернациональный Союз писателей, 2017

* * *

Родилась и выросла в Днепропетровске, сейчас проживаю в Ярославле.

Образование – высшее экономическое, полученное от безысходности. Некоторое время работала бухгалтером, затем стала писать статьи для сайтов и журналов. В 2012-13 гг. замахнулась на художественную литературу.

Первой публикацией в 2015 году стал рассказ в межавторском сборнике «Русский фантастический». Через полгода вышел дебютный роман «Магия дружбы», получивший диплом международного конкурса «Новое имя в фантастике».

Участник Международных литературных семинаров «Партенит».

Принимала участие в разработке нарративной составляющей для компьютерных игр.

Состою в Интернациональном Союзе писателей.

Работаю в жанрах фэнтези и социальной фантастики.

Блог – <http://buzuka.livejournal.com>

В соцсетях – <https://www.facebook.com/laare.de>

Деликатная напасть

– Построить деревню и отдать суккубам? – переспросил дядька Пузан.

Староста пожал плечами и протянул ему бумагу с печатью – на-ко, сам погляди. Пузан действительно поглядел – чисто барашек на новую изгородь, поскольку был дядька туповат и малограмотен.

Староста Адыр грузно перевалился с ноги на ногу, пожевал тонкими губами и еще раз потряс бумагой. Было ему неловко. С одной стороны, общее настроение он разделял и видеть соседями суккубов не желал ни на вот столечко. С другой стороны – он, ставленник власти в деревне Сливке, обязан был найти предписанию хорошо звучащее объяснение и обеспечить его выполнение.

– Сами знаете, теперя повсюду такое, – Адыр нахмурил брови, вперился взглядом вдаль и, с трудом припоминая мудреные слова, старательно выговорил, – по мирному уговору меж Человеческим Соизмерением и Другомирьем, Соизмерение принимает на поселение жителей невозможно перенаселенного Другомирья, каковые...

– Тьху, – досадливо выдохнул кто-то в небольшой толпе, выражая мнение односельчан.

Староста сбился, помолчал и кисло закончил:

– Каковые обязываются соблюдать законы нашего Соизмерения и все такое прочее. Словом, во-первых, возмущаться нечему, а во-вторых, с этим все равно ничего не поделать. Кроме того, деревню для суккубов и без нас построят. А наша задача несложная – получить уведомление и подписать свое согласие.

– А если не подпишем? – для порядка спросил кузнец. Невысокий, жилистый, уже немолодой, он пользовался большим уважением деревенских жителей, поскольку вылезал редко, но всегда по делу.

Адыр поморщился.

– Тогда нам сюда определяют кого похуже суккубов, да? – угадал кузнец и трубно хохотнул, – что же это получается за согласие, когда нас уведомляют, а мы примиряемся?

– Да чем вам плохи суккубы? – принялся увещевать староста, зная, что от бумаги все одно не отвертеться, – они ж смирные, оседлые, работающие. А если б к нам эльфов определили, а?

По толпе прошелестело «Боги, сохраните!». У вредоносных, не поддающихся никакому вразумлению эльфов была исключительно дурная слава. Хотя на самом деле никто не поручился бы, что длинноухие и вправду могли за обиду сжечь дом вместе с жителями или что они любили красть сговоренных невест. Или что сводили со дворов собак и жрали их сырыми. Или... нет, наверняка никто не знал, сколько истины в этих слухах. Но что эльфы были шумны и грубы, всем занятиям предпочитали шатание по округе без дела, тащили все, что плохо лежит – это установленная истина. И что длинноухие нахально задирали местных жителей, пьянствовали, не брезговали вымогательством – тоже не вызывало сомнений.

Иногда за нарушение общинных устоев Соизмерения некоторых эльфов высылали обратно в Другомирье, но случалось это куда реже, чем их мелкое и не мелкое пакостничество.

Еще год назад люди пугали непослушную детвору волками и бабайцами, но нынче не было для местных жителей ничего страшней и омерзительней эльфов.

– А если бы, – продолжал, входя в раж, Адыр, – если бы нам сюда прислали кентавров, что посевы топчут и кроют без разбору коров и кобылиц? А?

– А говоришь, пришлые должны блюсти общинные законы, – сказал кузнец с такой укоризной, словно это староста вытаптывал посевы и домогался кобылиц.

Предпочтя не расслышать кузнеца, тот повысил голос:

– Мы и не заметим, что суккубы рядом поселились! Станут себе тихонько поживать, шерсти диковинные прясль, единорогов разводить...

– Каких таких единорогов? – снова ожил дядька Пузан. – Разе ж единорог приблизится к суккубу? Всем же ведомо из бабкиных баек: тех чудных коней с рогом может токо девица изловить, а из суккубов какие девицы?

– Наслушаешься дуростей, а потом несешь не пойми чего, – укорил его староста. Сам он, в отличие от Пузана, бывал в городе не менее десяти раз за год, потому считался в деревне человеком ученым и много повидавшим. – Девицы – они ж с причудами всегда, капризные, заносчивые. А единорог, как всякая скотина, ласку любит. Суккубы же с любой животной могут уговориться, вот и коней рогатых разводят, и еще козочек каких-то чудных, и шерсть с них чешут... Словом, справные, работающие соседи. Чего нам еще надобно, а?

В толпе долго молчали, переглядываясь. В конце концов причину общего замешательства озвучил дед Вась:

– Так а ежели они озоровать станут?

Староста принялся старательно свертывать бумагу трубочкой, всем своим видом давая понять, что разговор закончен. Но дед Вась этого вида не понял и продолжал:

– Ты скажи, чего делать, Адыр? Вот ежели они начнут приходить и того... желанья срамные проявлять? А я уже, кхем... могу и не сдюжить! Позору ж не оберешься!

Сбивчивую речь прервал звук смачного подзатыльника. Жена деда Вася, сухошаваая старуха, снова занесла большую смуглую ладонь, и дед, виновато втягивая голову в плечи, попятился. Староста сунул свернутую бумагу в карман штанов и оглядел собравшихся:

– Ну что, решили, все согласные? Вот и славненько.

* * *

Деревню для суккубов построили приехавшие из города люди. Очень быстро – местные и оглянуться не успели, а в сотне шагов за околицей уже появилось два десятка домиков. Привозили их наполовину готовыми, сгружали с подвод сразу цельные стены – легкие, диковинные, по виду – сделанные из соломы пополам с глиной.

Вселились суккубы тоже без проволочек. Раз-два – и деревня Новая ожила, разбились у домов садики, повисли на заборах горшки и кринки, вырос большой загон для пары единорогов и малый – для кудрявых козочек.

Жители деревни Сливки не торопились знакомиться с новыми соседями, да и суккубы не рвались задружиться с местными. Люди, конечно, поглядывали в сторону приезжих часто и с любопытством, но издалека не могли разглядеть ничего помимо стройных фигур в ярких цветастых платьях. Если бы не крутые бараньи рога – с такого расстояния их немудрено было принять за обычных женщин. А еще суккубы отличались от людей походкой: высоко поднимали колени и ступали копытчатыми ногами мягко и аккуратно, как бредущие по болоту цапли.

Первыми, как водится, осмелели кошки и дети. Малыши сначала с осторожностью, а потом – без всякого стеснения забегали в деревню другомирцев, временами оставаясь у них надолго и прибегая обратно домой то с леденцами, то с пряниками. Взрослые жадно выпрашивали у малышни: что там у соседей, как? – но дети лишь смотрели на старших с удивлением и пожимали плечами, словно говорить тут было не о чем. А что делали в той деревне кошки – никто и подавно не знал.

В сумерках суккубы принимались петь. Низкими переливчатыми голосами, густыми, как подсолнуховый мед, другомирцы заводили человеческие песни, известные любому с колыбели: про тихую ночь и дорогу среди гречишных полей, про стену золотистой пшеницы и радугу, что вдруг вырастает из молочного тумана.

И все в деревне Сливке затихало, когда в серых душистых сумерках раздавались первые звуки чужих, мягко вибрирующих голосов. От них сладко щемило в груди и хотелось закрыть

глаза, затаить дыхание, поднять голову повыше, чтобы не пропустить ни единого звука, и стоять так долго-долго.

Суккубы пели человеческие песни, а люди слушали их, замирая. И всем в деревне было чуточку обидно оттого, что никогда эти же песни не выходили так красиво и проникновенно ни у них самих, ни у их дедов и бабок.

На людей пение имело различное действие. Стариков, детей и женщин оно убаюкивало, и вскоре после того, как суккубы умолкали, большая часть деревни погружалась в непробудный сон до самого рассвета. А мужчин – манило и будоражило, вселяло смутную тревогу и понукало кидаться куда-то, а куда – мужики сами не понимали.

Как и опасался дед Вась, другомирцы очень скоро принялись «озоровать», беззастенчиво и ловко используя действие своего пения.

Женщины хорошо понимали, отчего на них по вечерам нападает сонливость и что означает изнуренный вид мужчин поутру. Понимали, но молчали, не зная, как требуется вести себя. Разве можно обвинять мужей, если те сами донельзя злы и смущены? Есть ли смысл пенять на другомирцев, когда ничего иного от них и не ждали?

Каждое утро над деревней висела молчаливая и злая досада, и все у людей валилось из рук. За день злость растрясалась и успокаивалась, а вечером суккубы снова начинали петь, и снова жители таяли, слушая это пение. И снова женщины засыпали, а мужчины делались тревожны и мечтательны, и вновь поутру раскаивались в своем грехе и клялись более не поддаваться на суккубьи чары. Клялись с таким же омерзением, какое испытывает пьяница с похмелья, дающий зарок не пить больше ни капли.

Словом, перед деревней во всей красе встала новая и очень щекотливая проблема.

* * *

К концу месяца Завязи терпелка у людей, что называется, порвалась.

Мужики сами, ничего не обсуждая с насупленными женами, пришли на рассвете к Адыру и заявили: нужно что-то решать. Жаловались наперебой, так истово и надрывно, что никак нельзя было им не сопереживать.

– Это ж какое мерзостное гадство: вождельть рогатую копытчатую скотину!

– Ну точно волшебба какая-то! Утром как подумаешь про этих рогатых – аж тошно становится, а вечер приходит – и кажется, что никого нет в мире краше и милее!

– А еще, Адыр, чем дальше – тем меньше по утрам совестно. Это до чего так докатиться можно?

– Работать сил нет после всего этого непотребства. Погляди на деревню – хороша она? А дальше чего будет?

– А бабы наши? С ними как быть?

– Прямо чую: еще немного – оторвет мне башку моя Марька, оторвет, не пожалеет!

– Тебе хорошо, Адыр, ты мужик поживший, тебя их волшебба не цепляет! А нам каковски, а?

– А Корий-то, Корий! Нонче ж домой не пошел, остался с ними, с этими тварями богомерзостными!

– Остался? Правда, что ль?

Староста и сам понимал, что нужно действовать, но все не мог сообразить, как именно. Он с тревогой наблюдал за жителями Сливки, видел и напряженность между людьми, и неловкость, и злобу. Видел заплаканные глаза собственной дочери, жившей с молодым мужем менее года. Подмечал, как все валится из рук и у расстроенных баб, и у сонных, виновато сутулящихся мужиков.

Ну и что тут делать прикажете, а?

Теперь, слушая отчаявшихся людей, Адыр вдруг подумал и сам удивился, какой простой была мысль: а отчего не попробовать столкнуться с суккубами? Он ж, по всему видать, не злые – вот и детишек привечают-угощают, и деревенские кошки с приездом соседей стали ласковей и толще. Быть может, другомирцы просто не понимают, сколько нехорошего несут людям их ночные проказы?

К суккубам староста отправился немедля. По пути заметил, что за прошедшее время между Сливкой и деревней Новой протопталась широкая тропинка. Да и мудрено ли: днем дети туда-сюда носятся, ночью мужики шастают. Удивительно, что при этом никаких установленных отношений между деревнями не было, и Адыр даже не знал, кто там у суккубов за главного.

Странное дело: сотня шагов между оградами, а кажется, что над Новой воздух теплее и душистей, а трава вокруг – выше. Молодые яблоньки – крепкие и на диво ветвистые, а листва на них яркая, будто налитая солнечным светом.

В аккуратных огородиках уже копошатся суккубы, смахивают росу с неизвестных старосте пушистых растений, аккуратно подгребают копытами землю к картофельным кустам, что-то напевают – негромко, но задорно.

Адыр замялся от неожиданной и глупой неловкости – что ему тут делать, косолапить меж грядок с огурцами и вопрошать, кто в деревне главный по непотребствам? Но отступить было некуда, и староста шагнул за ограду.

Тут же из ближайшего дома вышла... как называть ее? Женщиной? Суккубихой? Отчего-то сразу стало понятно, что это она тут за старшую. Высокая, почти с Адыра ростом, со смоляными волосами, заплетенными и уложенными вокруг солидных крутых рогов, в пестром ярком платье. Справа подол был высоко подколот, открывая красивое женское бедро и колено с блестящей рыжей шерстью, переходящее в крепкую оленью ногу. На загорелом, почти человеческом лице жутковато выделялись раскосые зеленые глаза, такие яркие, что смотреть в них было невозможно.

– Эрза, – отрывисто бросила она, приложив пальцы к груди. – Какое у тебя желание?

Староста поперхнулся впопыхах подготовленными фразами, но тут же сообразил: другомирцы плохо знают человеческую речь и Эрза, наверное, спрашивает, зачем он пришел.

Запинаясь, заново подыскивая слова, Адыр принялся объяснять.

Суккуб, спокойно стоящий напротив и глядящий немислимо зелеными глазами, смущал его. Заставлял ощущать себя чужаком в собственном мире. Неловкой колодой, оказавшейся в окружении красивых вещей. Глупым и нелепым ребенком, пришедшим просить недостижимого.

Чем дольше, чем убедительней говорил староста, тем больше ему казалось, что Эрза попросту ждет, когда он заткнется.

– В твоей речи нет ума, – заявил суккуб, когда Адыр умолк. – Нам нельзя не забирать мужчин. Нужные тут, придут и будут жить тут, – Эрза махнула рукой на домики за своей спиной. Пальцы у нее были тонкие, как у девицы.

– Жить? – обалдел Адыр. – Еще чего не хватало!

– Будут жить, – безмятежно подтвердил суккуб. – Так устроится.

– Но так же нельзя!

– Можно, – уверенно возразила Эрза. – Не перечит закону.

– Так ведь...

Староста растерялся: законы Соизмерения действительно не запрещали вводить мужчин из одной деревни в другую.

– Но они ж не хотят!

– Очень хотят, – возразил суккуб. – Когда ночь – они хотят теперь. Потом – будут хотеть всегда.

Тут же, словно в подтверждение слов Эрзы, из соседнего дома вывалился Корий, о котором мужики говорили, что он сегодня остался с суккубами. Обалдевший староста вытаращился на дивное явление. Корий был взъерошен, счастлив и помят, а наготу мужчины прикрывала только суккубиха, обхватившая ногами его бедра, а руками – шею. Корий споткнулся, и висящий на нем суккуб с хохотом разжал руки, невозможным образом выгнул спину, откинулся назад, почти касаясь головой земли и давая Адыру рассмотреть себя в полной красе. А потом пара повалилась в густые заросли лопуха под забором. Оттуда незамедлительно понеслись страстные вопли, окончательно смутившие старосту.

Эрза указала рогом на лопухи и повторила:

– Очень хотят. Вот так мужчины все придут и станут быть здесь. Нечего беседовать, случится так. Не перечит закону.

Заставив себя отвернуться от бурлящих лопухов, Адыр вытер об штаны мокрые ладони и принялся объяснять: законы законами, а устоявшиеся обычаи нарушать не годится, потому как на них и стоит Соизмерение. На укладе, который не прописан в бумагах, но который дает жить деревням и городам так же верно, как опоры дают стоять мосту. Выдерни опоры – обвалится мост. Развали общинные уклады – не станет общины.

Его родной деревни не станет! Не выживет она без мужиков, некому будет пахать, косить и боронить, подновлять изгороди, перестилать крыши...

Эрза недоумевающе нахмурила лоб, отчего под рогами собрались глубокие складки. В лопухах стало тихо.

– Почему ты здесь еще?

– Да что такое-то! – рассердился староста. – Ты не слушаешь меня? Вы пришли на чужую землю и ставите тут свои порядки – это как называется, а? Ты понимаешь, что так делать нельзя? Мы живем как заведено, хозяйство у нас, поле и скот общинные, семьею людей. Нельзя взять и отнять мужиков из этого, потому как без них развалится все, понимаешь?

– Можно, – Эрза мотнула подбородком. – Глупо используешь время. Я говорила, ты слушал – что нужно сверху этого? Ты не стал довольный? Я не тревожусь. Делать всех довольными – про это нет закона.

Суккубиха развернулась да и пошла себе в дом, высоко поднимая колени, а староста смотрел ей в спину, разинув рот, и никак не мог придумать ответа.

* * *

После этого Адыр отправился в город в надежде отыскать там человека или вещь, способную избавить деревню Сливку от суккубьей напасти.

В большом секрете, очень неохотно, верные люди свели старосту с ведуном – единственным на многие версты окрест и вдобавок состоящим у властей на очень плохом счету. Ведуна подозревали в подделке бумаг, браконьерстве, наведении смертельной порчи на переселенцев из Другомирья – словом, Особая Служба хотела побеседовать с этим человеком откровенно и обстоятельно, но изловить пока не могла, поскольку ускользал он с чисто крысьей проворностью.

На встречу Адыр отправлялся с тревожным чувством. Не мог избавиться от мысли, что ступает на скользкий путь порока, усыпанный граблями.

Выслушав старосту, ведун сплюнул на пол и замотал головой так, что едва не сбросил с нее скрывавший лицо капюшон:

– На суккубов не охочусь. Вы что, спятили? Не знаете, что суккубы котируются?

– Ко... что?

– Котируются. Ну, коты их любят, суккубов. А кошка – она не человек, к паршивцу ластиться не станет. Я честный ведун, что бы про меня ни молולי, порядочных другомирцев не обижаю!

– А если от них гадостей больше, чем от непорядочных?!

– Миром решайте, – отрезал ведун. – Не стану я изводить суккубов.

– Я ж не имею в виду убивать их! – шепотом вскричал Адыр и навалился грудью на стол. – Пугнуть, унять, отогнать...

Ведун долго молчал, выпятив нижнюю губу. Староста ощущал себя безнадежно павшим человеком – шутка ли, его предложение оказалось слишком гнусным для находящегося в розыске ведуна! Но павший или нет, Адыр был исполнен решимости спасти свою родную Сливку.

В конце концов ведун с явной неохотой пробурчал:

– Вроде бы вишневая настойка вгоняет суккуба в спячку. Но это не точно. И зарубите себе на всех местах разом: если кто намерится прибить их, спящих – из-под земли достану! Не желаю я быть к такому причастником, ясно вам?

Адыр торопливо закивал. Ведун сердито фыркнул и поднялся из-за стола.

По возвращении старосты Сливка оживленно забурлила, люди воспряли и заранее повеселели. Настойку готовили всем миром, и даже вредная жена деда Вася раскопала на дне сундука два пузатых бутыля. Дед Вась глядел на бутыли с возмущением и обидой: ну как же он не догадался пошарить в том старом сундуке?

Убедить жителей деревни не вредить суккубам, когда те заснут, стоило Адыру большого труда. Почувяв, что скоро возьмут власть над вредоносными чужаками, люди проявляли неожиданную кровожадность. Одни предлагали заколотить двери и окна во всех суккубьих домах, другие настаивали, что для верности дома нужно поджечь. А кузнецова невестка, дородная молодуха с крутым нравом, вызвалась самолично пройтись по Новой деревне с тяпкой и вилами.

Чтобы успокоить людей, старосте пришлось использовать весь скудный запас красноречия и щедро приправить его угрозами: вот, дескать, прознает про сотворенное ведун да наведет гибельную порчу на всю деревню скопом! А потом еще Сливке, попорченной ведуном, доведется перед законом ответить за загубленных суккубов. Кто желает накликасть на деревню такие напасти, а?

Люди поворчали, но притихли. Однако по их мрачным переглядываниям Адыр понял: тишком все равно будут пакостить – и не поймешь, как этому помешать. Самолично встать бессменным караулом перед Новой?

До вечера староста так ничего и не придумал, а утром оказалось, что и не доведется. От принесенной людьми настойки суккубы не то что в спячку не впали, а еще больше раззадорились, так что обессиленные мужики расползались по домам уже после вторых петухов.

И не было в Сливке человека, включая и старосту, который в то утро не вернулся бы мыслями к тяпке и вилам.

* * *

На следующий день Адыр вновь отправился в город – потолковать с известным в народе человеком по прозвищу Крючоктвор. За плату тот выискивал – и с отменным успехом! – несовершенства в заключенных уговорах и советовал, как получить желаемое, ничего не нарушая. В последний год Крючоктвор особенно процветал, появилось у него и некоторое число подражателей-конкурентов, но никто из них не обладал таким острым глазом и таким блестящим знанием предмета.

Очередь к дверям Крючкотвора занимали еще с вечера, так что Адыру пришлось провести ночь у крыльца. Он придремывал в обнимку с кулем привезенной на продажу молодой моркови и вполуха слушал истории собратьев по несчастью. В очереди было множество людей из других окрестных деревень, и все они наперебой делились своими бедами.

Староста Сливки узнал, что у подманенных кентаврами кобылиц рождаются шестиногие жеребята, необузданно злые, необыкновенно прожорливые и непременно мрущие в первый год жизни. А у покрытых кентаврами коров не рождается никто, зато их молоко на много дней делается сладким до противности.

В местности, куда переселяют кикимор, без счета плодятся комары и мошкара, они выются вокруг людей целыми тучами, забиваются в нос, заползают под одежду и решительно ничего не дают делать.

Если в какой край приедут мавки – тут же возмущается природа: жалеет дождей и нагоняет сухих ветров, из-за чего чахнет урожай и становится невозможно прокормить скотину.

Хуже всех были, разумеется, эльфы, которые совершенно не желали жить по-человечески. Они не знали меры во хмелю, не умели и не хотели честно трудиться, подворовывали по ночам овощи с огородов, а особо ловкие умудрялись умыкать птицу из курятников. Они готовили крепкие наливки из ягод и настойки на душистых травах, знали несчетное множество азартных игр, над их поселениями круглые сутки стоял дым коромыслом, а вокруг ошивались решительно все бездельники на несколько верст окрест. Которые тоже охотно совершали набеги на чужие огороды и курятники, а высунувшегося на шум хозяина могли и отметелить всей компанией.

Много чего Адыр выслушал в ту ночь. Как живется в соседстве с ходячими деревьями, чем плохи тихони-гоблины, насколько опасными могут быть феечки и почему даже соседство гномов-работяг приносит множество неудобств.

К утру староста всерьез сомневался, так ли велика напасть, которая стряслась с деревней Сливкой. Подумаешь, мужики по суккубам бегают! Но потом Адыр вспоминал полные слез глаза дочери, злобно поджатые губы других женщин, виноватые взгляды и ненормальную медлительность мужиков. Высокомерие Эрзы, ее уверенность, что мужчины вскоре уйдут к суккубам. А еще – первые признаки упадка деревни, которых не мог не приметить внимательный глаз старосты.

Велика ли напасть, что стряслась с деревней, если может привести к прекращению жизни этой самой деревни? Да не так уж мала, получается!

«Это что ж выходит, – спросил староста у яркой звездочки над своей головой, – другомирцы нас изничтожат при помощи мирного уговора? Вон сколько людей вокруг – и у всех одна и та же напасть: пришлые! Выходит, они все-таки убивают наш мир? Кто от дурости, кто нарочно, а кто и без намеренья, просто по природе своей?»

– Получается, теперь мы – самые бесправные в своем же мире, – проворчал кто-то из собравшихся под дверью, словно прочтя мысли Адыра. – Куда ни придут эти нелюди – везде плохо становится, даже если сами они ничего такого не делают. В каждом из них заложена какая-то погань, она разъедает наш дом, хотят того нелюди или не хотят. И зачем нам нужен был этот мирный уговор?

– Воевать мы боялись, – подхватил басом бородач, сидевший на ступеньку ниже Адыра. – Оно-то правильно, что боялись, не сдюжили б мы против энтых нелюдей. Но разве ж лучше получилось? Без боя отдаем свою землю! Они ж душат нас! Получается, мы сами себе приговор подписали, крутят нас в барашкин рог, отнимают все как есть, выдавливают нас с родного края – неспешно, без боя, через позорище!

Крючкотвор не оправдал надежд Адыра. Изучил заключенный Сливкой уговор, внимательно выслушал рассказ старосты, скривился и припечатал:

– Затевать официальную тяжбу не советываю, долго и муторно. Ваших мужиков сманят раньше, нежели чего выгорится, понял? – Крюкотвор поскреб свалывшийся пук рыжеватых волос на затылке и добавил, – у многих теперя такое. Купили нас другомирцы на этот мирный уговор, что куренка за медяк. Сколько конезаводчиков кентаврами разорено, сколько молочных подворий в упадничестве! Даже они нечасто успевают отстоять свои хозяйства, доказать вредительство нелюдей – что ж про вас говорить, простецких страдалищ? Пока наши умники крутолобые устроят так, чтобы скорый отпор поганцам давать, а не отписки стряпать – сколько народа угробится? Вона цельные деревни хиреют или с мест сымаются, потому как житья не стает никакого от другомирцев! А мельники, пасечники, хуторяне? Э-эх!

Адыр только головой качал. До сего дня он и не представлял, с какой великой трудностью столкнулись люди – только своя деревня его и заботила.

А теперя он припомнил и злобное отчаянье других просителей, что скопились снаружи, и то ожесточение, что пробудилось недавно в жителях Сливки, и неожиданно для самого себя бухнул:

– А ведь будут гореть нелюдские поселки, почтенный, ох и будут же!

Крюкотвор махнул рукой.

– Получается, – продолжал Адыр, – что или мы их, или они нас – хоть войной, хоть миром. Люди-то скоро поймут, что другомирцы всех до горлышка допекли, а как поймут – так и правду за собой почуют. И тогда, – повторил Адыр уверенно, – тогда гореть поселкам нелюдей, и никакие крутолобые их не спасут!

– Они уже горят, – Крюкотвор потер глаза, и староста только теперя увидел, какие они усталые. – Помалу. И я недругу не пожелаю той кары, которую крутолобые обрушивают на поджигателей, понял? Потому как если одним с рук сойдет – так другие тут же повторяют, а ежели нелюдей повсюду жечь пойдут – так это обратно же война. Так что запомни: забудь! Понял?

– И совсем ничего не поделать? – расстроился староста.

– Говорю ж, твоя деревня раньше ноги вытянет, чем ты чего докажешь. Не помощник я тут, понял? Но ты погоди сопли-то развешивать, а сходи, страдалище, в ратушу до каталожников – может, они знают, как твоих суккубцев тишком отвадить?

– Каталожники?

– Не слышал, что ли? Они описывают другомирцев, чтобы люди знали, как с кем вести себя, понял? Кого где селить не можна, кто чего жрет, у кого чего болит... Они чуток пришибленные, каталожники, но полезные, потому как знают много. Вот по осени была история – послал я к ним одного мужичка. Его поселок русалки одолели, понял? И какая штука выходила: вроде как дело ясное и надо было там всё вершить по закону, потому как люди-то в реке топли! Не было никаких разночтений, виноватые другомирцы!

– И что же? – заинтересовался Адыр.

– А то, что не получалось по закону спасти поселок! Чтоб мужику прошение состряпать, нужно было дожидаться конца года да подсчитать, сколько народу за это время перетопнет. Потом приложить бумагу по перетопшим за прошлый год, и тогда уже нести прошение, понял? Во как придумали крутолобые, на все им бумаги подавай! Поглядел я на того мужика и подумал: ну что с тобой делать, когда только половина года прошла? Да и присоветовал ему до каталожников сходить. А те в свои записи поглядели и тут же говорят: у русалок к рябине невыносимость, представляешь? И ежели разложить по бережку рябиновые гроздьи, так русалки из воды и носа не высунут! Ну и побежал мужик довольный, рябину собирать. Так я с тех пор всем и говорю: ежели я не могу подсказать, как справиться быстро да по закону – идите до каталожников, вдруг чего присоветуют? Если кто-нибудь знает, как суккубцев одолеть – так только они! Понял?

Адыр торопливо закивал, а Крюкотвор добавил:

– Я так мыслю, что каталожники помалу и разведуют, как отбивать у другомирцев охоту селиться в наших краях. Только дожждаться надобно – уж вы продержитесь, страдалица! А там как-то будет, – Крюкотвор поскреб затылок, – все верно говоришь: не мы их – так они нас!

К ратуше староста отправился в растерянности и тревоге. Уж если приходится хитрить в тех случаях, когда дело совершенно ясное, так на что рассчитывать его родной Сливке, которой не чинят неоспоримого, видного чужому глазу вреда?

Это что выходит такое, а? Совсем не у кого искать защиты? Не то чтобы Адыр к закату жизни сохранил слепую веру в честность закона и неременное торжество правды, но и не совсем разуверился в высшей справедливости. А получается что – нет ее? Или спит она? Или смотрит в другую сторону?

Попасть к каталожникам было еще сложнее, чем к Крюкотвору. В очереди вокруг ратуши толпились десятки просителей ничуть не счастливее Адыра, а писари принимали неохотно: досадовали, что их постоянно отвлекают от работы, требующей внимательности и аккуратности. Но к следующему вечеру староста все же пробился в большую пыльную комнату, уставленную столами и заваленную грудями свитков.

– Суккубы, – повторил за Адыром седой бородач и безошибочно цапнул нужный свиток из кучи под стенкой. – Зело до мужеской ласки жадные, ну да, ну да... Приручение единорогов, да-да-да, котируются, еще про эльфов что-то непонятное...

– Какое? – переспросил староста.

– Непонятное, – непонятно повторил каталожник. – Сла... Слаб... Слабительное? Слабость? Слабоумие? Чего-то на полях поначеркано.

Адыр фыркнул: тоже еще, описатели! Сами в своей писанине не разберутся!

– Имеют врожденную защиту к горячечным заболеваниям, – продолжал каталожник, – что там еще?.. не способны завлекать своими чарами гномов, не погружаются в спячку.

Адыр мысленно плюнул ведуну прямо в невидимый под капюшоном глаз.

– Ну и все, – каталожник тем же безошибочным движением, не глядя, вернул свиток в стопку. – Про суккубов пока мало известно, редкие они. Через годик-другой больше напишется!

Староста охнул.

– Не могу я столько ждать!

Каталожник почесал затылок – совсем как Крюкотвор.

– Скоро только кролики плодятся. А чтобы научиться соуживанию, времени нужно больше. Вот бумаги, что мы составляем – они для того и нужны, чтоб понять их, другомирцев, чтобы суметь жить вместе ладно и дружно. Конечно, поначалу трудно – ну так чего можно было ожидать? Даже муж с женой не всегда сразу гладко уживаются, а тут шутка ли – другомирцы! Устроены иначе, думают по-другому, да и несут в себе подчас такое, чего мы и понять-то не в силах – мудрено ли, что нынче искры летят да пена идет? Но с годами, вот увидишь, научимся жить бок о бок, приспособимся, приладимся друг к другу. В чем-то наш мир поменяется – так ведь это нормальное дело! Главное что? Что со временем все непременно сладится, мы поймем их, они – нас, научимся уважению, замиримся, подружимся – вот поглядишь!

Староста смотрел на каталожника досадливо и все не мог взять в толк, о чем тот говорит. Какое стерпится-сладится? Какое еще понимание? Когда стоит перед тобой чужая и наглая тварь, что пришла на твою землю, хочет порушить ее уклад и всю твою жизнь, а ты и сделать ничего не можешь – о, Боги, да про какое соуживание говорит этот безумец?

– Приходи через год, – благодушно закончил тот, словно не видя отчаянья и злобы в глазах стоящего перед ним человека, – сам удивишься, сколько нового к тому времени напишется про твоих суккубов!

– Да через год в моей деревне останутся одни старики в пустых хатах!

Каталожник только руками развел. Было ясно, что судьба деревни Сливки интересна ему куда меньше, чем отдаленная надежда на мирную жизнь бок о бок с другомирцами. Интересно, если бы пришлые расселились вокруг ратуши, если бы каталожник сам должен быть «учиться соуживанию» со всеми его прелестями – как бы запел этот болван?

За дверью староста влился в толпу таких же обескураженных людей и ощутил никакими словами не выразимую, безнадежную тоску.

* * *

За три дня отсутствия Адыра что-то в деревне изменилось. Староста не мог понять, в чем дело и не в силах был подобрать нужное слово. Казалось, что со Сливки колдовской тряпицей стерли часть красок.

Воздух был сухим и горячим, с огородов на Адыра грустно смотрела иссохшая картофельная ботва, со дворов доносилась сладко-пьяная вонь гниющей паданки. И староста – разбитый, пропахший дорожной пылью, припадающий сразу на обе растертые ноги, был так же уныл и жалок, как его родная, когда-то цветущая и сытая деревня.

Изредка на улицах встречались люди. При виде своего старосты они вскидывались, но вопросы тут же замирали у них на губах при виде грустного лица Адыра, его широких сгорбившихся плеч и шаркающей походки.

Староста закрылся в хате и, если по правде, желал одного – заснуть и проспаться долго-долго, пока все как-нибудь закончится само. Не видеть, во что превращается его любимая Сливка. Не видеть полных отчаянной надежды глаз людей, которым он не смог помочь.

А люди понимали, что дело плохо, и тревожить Адыра не спешили. Какой толк? Лишь один человек решился да пришел к нему в дом.

Дочь. Тень дочери. Когда успела статная румяная хохотушка превратиться в тощее, землисто-бледное пугало?

Подошла – сутулясь, комкая передник, повязанный поверх мятого платья. Опустилась на тканый коврик подле стула, на котором сидел, свесив руки, отец. Посмотрела заплаканными серыми глазами, вздохнула и уткнулась головой в его бок.

– Мужчины стали возвращаться еще позже, – произнесла она тихо, словно через силу. – Теперь они приходят после рассвета.

Адыр молчал.

– Кузнец говорит, они будут идти домой все неохотней, а в один день не вернуться вовсе, как Корий. Тоже останутся там, останутся жить с этими... Некоторые мужики говорят, что лучше повеситься. Всерьез говорят. А бабы...

Староста вздохнул.

– Папа, что теперь будет?

Она подняла голову, смотрела на него потухшим взглядом, а он не знал, что ей ответить.

– Папа?

– Я не знаю, ясочка, – устало выговорил Адыр. – Я видел в городе много людей, у которых похожие беды, и никто не может сказать, как мы должны поступать. Этот мирный уговор, эти другомирцы – они всюду губят наше Соизмерение. По-разному. Иногда и не желая чинить зла. Они такими созданы, ясочка. А мы – нам не дают защищаться. Нам говорят, что защита – это война.

Дочь смотрела на него, хмурилась, и было видно, что она понимает едва ли половину сказанного: слишком сильно гложет ее собственное горе.

– Значит, ничего нельзя поделать?

Адыр потер лоб.

– Я не знаю. Никто не знает. Быть может, позднее отыщется способ, но как нам дожить до того дня? Все одно говорят: мирный уговор обрек нас на смерть. Медленную, как задушие. Не лучше ль нам было сгнуться, сражаясь за свой дом, ясочка?

Дочь долго молчала.

– Ты ведь не можешь спасти весь мир.

Староста кивнул и опустил глаза. Но тут же поднял голову, почуяв ее взгляд.

– А одну деревню?

* * *

«Прошу без всякого промедления выстроить вблизи Сливки и Новой еще одну деревню и передать ее для переселения эльфам».

Дочь недоверчиво смотрела на появляющиеся из-под пера буквы.

– Папа, что ты делаешь?

Адыр сердито подул на бумагу. Это была плохая бумага, тонкая и серая, и дубовые чернила немного расплывались на ней.

– Пытаюсь спасти Сливку, ясочка. Суккубы, если мне верно сказали, имеют какие-то особые отношения с негодяями-эльфами. Если «слаб» – это «слабость», то рогатые твари оставят в покое наших мужиков. А эльфы... Быть может, им попросту нужна твердая рука, и тогда они окажутся не совсем пропащими и беспутными, а? Вдруг этот каталожник – не такой уж болван? Ведь у другомирцев тоже есть свои порядки, и нам, чтобы выжить, нужно понять, как выживают они?

Староста снова подул на бумагу и добавил:

– Быть может, люди и впрямь смогут ужиться с другомирцами, если изучат этих тварей и научатся правильно их совмещать. Во всяком разе, такого делать еще никто не пытался, а ничего иного я придумать не могу, – староста помолчал и неохотно добавил, – а может быть, мы не сможем ужиться, но сумеем дотянуть до того дня, когда отыщется способ отвадить нелюдей миром. А может быть, «слаб» – никакая не «слабость», и тогда все станет еще хуже. Не знаю, ясочка, что я сейчас делаю: строю между нами мост, ускоряю нашу гибель или попросту выгадываю время для деревни. Но попробовать нужно, как считаешь? Что нам еще остается?

Адыр с прищуром оглядел серую бумагу с подсохшими чернилами и решительно вывел на ней свою подпись.

* * *

Месяц Зерна деревня Сливка провожала шумно: позади славные и трудные летние месяцы, урожай собран, можно разрешить себе два дня празднеств перед неспешной подготовкой к зиме.

Вытащили к дальнему колодцу столы, накрыли полотняными скатерками. Хозяйки потащили снесь: пироги с яблоками и грибами, мясные кулебяки, квашеную капусту, соленые арбузы. Потянулись мужики с наливкой, квасом и жутким сливковым самогоном, после которого голова вроде бы все понимает, а куда несут ноги – одним богам ведомо.

Адыр, преследуемый по пятам двумя каталожниками и одной несказанно настырной бабой из соседней деревни, безуспешно пытался отдавать подопечным последние указания.

Никто никого не слушал, все бурлило и шумело, под ногами путались вопящие дети и чьи-то куры.

Понемногу люди успокаивались, рассаживались. Адыр тоже пятился к столу, хотя было понятно, что гости не отстанут от него и во время гуляния.

– Все ж таки зря мы никого их не позвали, – беспокоился дед Вась и оглядывался на Новую. Там, вдали, мельтешили на огородиках нелюди: одни – стройные, в цветастых нарядах, другие – плечистые, длинноухие. – Нехорошо получается, не по-соседски!

Жена деда, расставляющая на столе последние тарелки, погрозила ему кулаком.

– Тю! – кузнецова невестка уперла полные руки в бока. – Так ты сбегай дед, позови! Сарай-то мой во, недалечко, вилы еще неубратые стоят – зови-зови!

Взопревший Адыр, стряхнув с рукава каталожника, упал наконец на лавку, подхватил протянутую зятем кружку с наливкой. Оглядел рассеявшихся вокруг довольных односельчан, уставленный снедью стол, глубоко вдохнул вкусный воздух с осенней прохладцей и провозгласил:

– Ну что – за тех, кто продержится!

РЫВОК № 132

Ночью ко мне пришел ёж в зелёном шёлковом кимоно. Через прорези на его спине были выпростаны полупрозрачные стрекозиные крылышки.

– Гм, – оценил я и сел в постели.

Животное не обратило на меня никакого внимания. Деловито потопотало к холодильнику, ловко открыло дверцу. Изучающе оглядело полки, отхлебнуло наперченного компота.

Я вытек из постели и осторожно подобрался поближе. Ёж сердито фыркнул и наморщил нос. При падающем из комнаты свете его тень на темных холодильничных полках походила на птичью.

– Поговори со мной, – потребовал я и уселся на пол.

– Фр, – издевательски рокотнул ёжик, показал мне язык и помахал крыльями.

– Погода нелетная, – согласился я. – Хотя – какая разница? Даже при попутном ветре нам с тобой с этой станции не выбраться.

Ёж неловко плюхнулся на попу и уставился на меня круглыми вишнёвыми глазками. Я осторожно потрогал ежиное крылышко. Животное ощерилось и запустило в меня шариком арбузного мороженого.

– Эй, горячо! – я отбросил пышущий комок мороженого в угол, и он тихо зашипел, остывая. – Всё здесь с ног на голову. Проклятые экспериментаторы. Зачем я согласился, не знаешь?

Ёж перебрал лапками и подвигал крыльями, расправляя кимоно. Я легонько пнул холодильник, и тот послушно окрасился в канареечный цвет.

– Шаблонность мышления. Креативщики фиговы. Сами бы грызли свой сметанный чай! Сами бы пели колыбельные зубной щетке, чтоб она позволила взять себя в руки! По средам она, видишь ли, предпочитает хорей, а в остальные дни сдается только на ямб. И ни единой живой души на всем острове. Кроме вас, уродцев.

Зато с мертвыми душами никаких проблем. И вот-вот станет на одну больше.

Ежик снова фыркнул, презрительно оглядел меня и поднялся. Быстро перебирая лапками, потрусил к открытому окну. Крылья развернулись и нетерпеливо затрепетали.

– Вот и ты тоже. Все вы уходите. Вы получаете такими разными, но всё равно все вы одинаковые. Жрёте мою еду, делаете важные морды и молчите. Молчите, тв-вари! И растворяетесь в ночи. А я потом нахожу ваши хладные тушки на пляже. А дальше-то что?

На самом деле я знал, что дальше. Рано или поздно я одичаю окончательно и без всякого там нешаблонного подхода удавлюсь в подвале. Как те трое до меня.

Потому как эти сволочи-экспериментаторы изучали тут никакую не шаблонность мышления. Одиночество их интересовало, вот что. Одиночество и скорость срыва крыши в нестандартных условиях.

А может быть, всё вместе. А может, они считали, что одиночество стимулирует изобретательность и открывает какие-нибудь особые чакры, ответственные за нестандартный подход. Кто их разберет, гадов бездушных.

Ёж деловито поправил кимоно, понюхал золотистый воздух и степенно вылетел в ночь, медленно взмахивая лапками. Крылья не шевелились, торчали колом, как антенны древних ящиковизоров.

Гребаная шаблонность мышления. Гребаная фантазмагория.

Я вытащил из чайника тетрадь и вырвал последнюю страницу. Скомканный лист полетел в угол и зарделся от соприкосновения с неостывшим мороженым.

– Ладно. Ёж у нас создан из горсти иголок, кубика сыра и клубочка рябины. Зеленой. С кимоно всё ясно, а крылья у него откуда? Вот же пропасть!

Я рассовал по карманам что подвернулось и сделал запись в тетради. Установка в углу мерзенько захихикала.

– Утихни, сволочь. Еще поглядим, кто будет ржать последним. Итак, проба сто тридцать третья: вермишель, патока, фарфоровая ложка и две виноградины неочищенные, в скорлупе.

Я затолкал всю эту дрянь в приемный кармашек, постоял рядом, ожидая нового хихиканья или еще какой реакции, но подлая техника притворялась послушной, тихонько гудела и не давала поводов отвесить ей пинка.

– То-то же, – буркнул я и отправился обратно в постель.

Дятла вам в уши, поганцы, не дождетесь вы моего вислого трупа в подвале. Рано или поздно я сделаю что-нибудь говорящее!

Дизлайк

Что-то с мужиком было не так, Стефан это с первого взгляда понял. Лощеный, холеный, в дорогушем костюме. Пышет уверенным спокойствием. Сияет, что-то предвкушая.

Вот какой из него «молодой перениматель опыта»? Да никакой. Обвел босса вокруг пальца, напросившись на экскурсию по свивке, вот и все. И ведь не вытолкать взащей – приказ пришел сверху. Оттуда всяко виднее, да и по шее прилетит незамедлительно, если что.

– Так почему нынче все равняются на эту вашу свивку? – живо спросил гость, пока они шли по длинному коридору. Стефану отчего-то казалось, что этот солидный мужчина с трудом сдерживается, чтобы не запрыгать по анимированным сетям паутины на снежно-блестящем полу.

– Потому что мы стали самой крупной свивкой местной Паутинки всего за четыре месяца, – с гордостью ответил Стефан и принялся объяснять, понемногу оживляясь, – нам удалось правильно подобрать темы, близкие большинству пользователей Паутинки. А еще мы разработали системы эмоциональных всплесков для правильной подачи этих тем – понимаете, немного сантиментов здесь, капелька пафоса тут. Доля иронии, толика заигрывания с аудиторией... Словом, – сбиваясь на цитирование презентации «Наши достижения», затараторил Стефан, – теперь у наших проектов суммарно три миллиона подписчиков, и это мы еще не запустили мультязычные версии! Наша прибыль по лайкам превысила показатели конкурирующих свивок уже в первые месяцы работы. В то же время количество дизлайков по всему спектру тематик ничтожно мало в процентном соотношении...

– Прибыль по лайкам, – повторил гость. Вид у него был восторженно-зачарованный.

Из какого же поднебесья прискакал этот темный конь? Неужели Отдел по рациональному использованию лайков? Стефан сглотнул.

А может быть, его подослали конкуренты? Хотя какие у них конкуренты – так, мелкие вредители из свивок про бумажные книги и шахматы. Откуда у этих гиков солидные засланцы в дорогуших костюмах?

Стефан, немного рисуясь, распахнул ячеистую дверь, и гость с любопытством уставился на огромный зал. Разноцветье отсеков: оранжевый, зеленый, серебряный, синий, красный. Все гудело, шелкало, хохотало и шутливо переругивалось. Улей рабочих пчелок, добросовестно увязших в Паутинке.

Через тонированные сетчатые окна лился неяркий солнечный свет. Увлажнитель-освежитель воздуха трудолюбиво источал запах лайма с мятой. Упоминание о лайме с мятой среди лета собирало для корпоративного аккаунта до восьмидесяти лайков за десять минут.

– Сто двенадцать постоянных сотрудников, – непринужденно ввернул Стефан. – И несть числа внештатникам. Правда, в основном работают по удалёнке, здесь обычно собирается не более пятидесяти человек одновременно.

– По удалёнке, – повторил гость, словно пробуя слово на вкус.

Нет, совершенно ясно, мужик – не тот, кем прикидывается. И его, кажется, совершенно не заботит, понимает это Стефан или нет. Словно он знает, что Стефан никуда не денется.

Кто он такой? И как он боссу голову задурил, а? Босс-то был уверен, что придет человек из дружественной развивающейся свивки, и всем будет хорошо: парнишке наука, Стефану и его свивке – лайки. А что получается?

И посоветоваться не с кем. Попробуй, побеспокой босса до полудня – вмиг узнаешь, как накрывается дизлайком премия в квартал.

– Итак, – кисло продолжал Стефан, – три потребности современного человека, которые мы определили: служение гуманистическим идеалам – раз, эстетическое удовлетворение – два, а третья – извечная человеческая...

– Мечта о космосе?

– Что? – Стефан даже не понял, что его удивило больше: откровенный идиотизм вопроса или беспокойство в голосе гостя. – При чем тут космос? Космические проекты не набирали достаточно лайков, вы не помните? Освоение космоса – это долго, утомительно, плюс высокий порог вхождения в тему. Современный человек живет быстро, потребляет информацию мгновенно, ему нужны понятные ёмкие образы, яркие эмоции... которые закрывают его ключевые потребности, разумеется. Последний космический проект заморожен в две тысячи двадцать первом, вы же знаете. Да, третья потребность человека – это смех.

– Простите?

– Смех. Юмор. Что-нибудь смешное, понимаете?

Гость почесал нос, словно проверяя, как он уживается с запахом мяты и лайма.

– Да. Понимаю. Мне показалось, вы сказали «секс», а не «смех».

– Секс! – фыркнул Стефан. – На этот рынок не пробиться. И так, с какой секции желаете начать?

С одной стороны – ему хотелось, чтобы подозрительный тип увидел как можно меньше. С другой – Стефана распирала гордость за работу свивки, и он не мог не хвастать перед заинтересованным слушателем.

Да и приказ сверху, опять же!

– Оттуда, – гость кивнул в серебряную часть зала, где бледный паренек в спортивном костюме что-то серьезно декламировал перед равнодушным глазом веб-камеры.

– Секция эстетики, – Стефан приглашающе махнул рукой. – Ячейка наслаждения поэзией.

Они подошли ближе, послушали.

*Толпой угрюмою и скоро позабытой
Над миром мы пройдем без шума и следа,
Не бросивши векам ни мысли плодovитой,
Ни гением начатого труда.
И прах наш, с строгостью судьбы и гражданина,
Потомок оскорбит презрительным стихом,
Насмешкой горькою обманутого сына
Над промотавшимся отцом.*

– Стабильно собирает до шестидесяти лайков в час за каждую декламацию, – шепнул гостю Стефан, – голос хриплый, взор горящий – девушкам нравится!

– А стихи для юношей читают отроковицы? – не то пошутил, не то всерьез спросил гость.

Стефан не знал, кто такие отроковицы, поэтому на миг завис.

– Нет, молодых людей поэзия не привлекает. Для них работает уголок военной техники и студия обзора гаджетов. А вот там у нас ячейка ретро-танцев, а это – уголок чтения классиков для престарелой аудитории, а вот здесь по вечерам работает эстрадная группа.

Они описали полукруг и оказались на границе серебряной и зеленой зон. Прямо на разделительной дорожке сидел мужичок, совершенно чужеродный: маленький, морщинистый, в клетчатой рубашке и вытянутых трениках из прошлой эпохи. Перед мужичком стояли в ряд чистенькие пластиковые вазоны со срезанными цветами: ромашки, пионы, тюльпаны. Мужичок смотрел сквозь суету свивки и тихо улыбался чему-то.

– А это кто? – вполголоса спросил гость.

– Да так, приبلудился, – Стефан небрежно повел плечом под шелковой тканью пиджака. – Приبلудился и прижился. Наши ребята покупают девушкам букеты, пользователям это нравится, лайки сыплются, обсуждения начинаются: кто, с кем...

В зеленой секции мониторы стояли амфитеатром: самый большой – на трибуне, остальные – ярусами вокруг него. У одного из мониторов возился длинноволосый паренек, больше никого поблизости не было.

– Зеленая – секция гуманизма. Кто у нас сегодня герой дня, ну-ка?

На самом большом мониторе – фото безрукой чернокожей девочки. У неё очаровательная мордашка, яркая маечка и белозубая улыбка. Девочка лепит кулечками что-то из теста – пельмени? По фото бежит сияющая надпись: «Я готов поставить тебе миллион лайков, милая деточка!»

Стефану показалось, что гость сейчас захлопает в ладоши. Но не оттого, что ему нравится эта девочка или свивка.

К длинноволосому парню, который возился с монитором, подошла невысокая девица. На ней была короткая черная майка и длинная юбка, волочащаяся по полу. Парень и девушка заговорили о чем-то, поглядывая на большой монитор.

– ...сама бы поставила ей лайк, – донеслось до Стефана и гостя, – такая лапушка!

– Так ставь.

– Я в раздумьях. И так все время лайкаю мальчика с лейкемией и пенсионерку...

– Ту, что не ходит в Паутинку и умирает с голоду?

– Да. Но я же не могу отдавать лайки всем, кто нуждается. Так я сама по миру пойду! Хотя эта негрятяночка такая милая! Я еще подумаю.

– А что мальчик с лейкемией?

– Умирает, к сожалению. Вот что за люди подписаны на проект, а? Жалко им лайка для умирающего ребенка?

Стефан не сразу заметил, что гость уже не прислушивается к разговору, а движется дальше, к красной секции юмора. Догнал его на подходе.

– Интересно, – после паузы отметил гость. – Я представлял это иначе. Я думал, вы сами создаете... как его, контент?

За компьютерными столами, напоминающими ретро-офисную мебель, сидели десять мужчин и женщин. Мужчины – хмурые, с недовольными складками у рта. Женщины – как на подбор, молодые, непричесанные и очень худенькие.

– Что они делают?

– Ищут хорошие шутки для репостов, – терпеливо объяснил Стефан. – Создавать контент этого вида экономически невыгодно. Срок жизни хорошей шутки в Паутинке – час. Исключительной – день. А через месяц все шутки забываются напрочь, и можно постить их снова. Но не все сохраняют актуальность, конечно.

Они постояли у красной секции еще немного. Сзади было слышно, как в зеленую секцию гуманизма понемногу стягиваются сотрудники, оживленно обсуждают безрукую девочку.

– Собственно работа в секции смеха – самая скучная, – извиняющимся тоном сказал Стефан. – Но вы еще не все видели! Пойдемте дальше!

Ну и пусть гость – непонятный и подозрительный тип! Зато он проявлял искренний интерес к его, Стефана, работе, так что увлекшийся Стефан уже не мог остановиться, даже если бы хотел.

– Оранжевый – отсек общения сотрудников. Тут они собираются в перерывах или после работы, делятся опытом, делятся впечатлениями. Иногда кому-нибудь удается получить дополнительные лайки за свои проекты от коллег.

Сейчас в оранжевой секции было пусто, только жизнерадостно журчали фонтаны апельсинового сока на столах.

– Желаете присесть? – спохватился Стефан. – Соку, кофе, воды? Пирожное? У нас дивная кондитерская, знаете, мы даже подумываем открыть для неё ячейку в секции эстетики, но пока проект не утвердили. Все-таки это несколько нескромно.

От кофе с дивными пирожными гость отказался. Очень поспешно, Стефан бы даже сказал – испуганно, если бы это слово можно было употребить в отношении такого солидного человека. И он увлек гостя дальше, к последнему отсеку под стенкой. От остальных он был огражден стеклянной паутиной небесного цвета.

– Синий. Отсек спасения. Он не относится к работе свивки напрямую, это наша благотворительная инициатива, понимаете? Тут профессиональные психологи работают с людьми, которые страдают из-за провалившихся проектов. Которые не нашли своего места в Паутинке и ощущают, что жизнь их бессмысленна. Они не могут создать ничего достойного.

– И много таких обращений? – гость ухмылялся, и было в этой ухмылке что-то хищное.

– Порядком, – Стефан приосанился, – не каждый рожден, чтобы создавать успешные проекты, раскрывать свой потенциал. Вот и работаем с теми бедолагами, которые не могут.

– Успешно? – весело спросил гость.

– Очень! – с жаром ответил Стефан. – Особенно после того, как мы организовали сбор лайков в поддержку особо безнадежных – они пошли на поправку просто на глазах, вы не поверите! Люди поняли, что их судьбы небезразличны другим – а значит, они не зря пришли в этот мир и еще на что-то способны в жизни. Смысл, цель, ориентиры, самореализация – вот что важно для человека, согласны?

– О да. Вы не представляете, насколько согласен. А неудачи у ваших психологов есть?

– Есть, – смиренно признал Стефан. – Некоторые люди так и не могут найти себя в Паутинке и в жизни, такие регулярно пытаются покончить с собой. Иногда успешно. Недавно вот был паренек, который хотел изучать язык дельфинов. Не набрал лайков, понимаете – нет, если бы он принес готовый, работающий проект, яркие снимки, видео... но он собирал лайки на исследования, а кому это интересно, кому понятно?

Гость на миг закрыл глаза, и Стефану померещилось, что нос и носки ботинок гостя смотрят в разные стороны. Потом тот открыл глаза, и ощущение пропало.

– Благодарю за экскурсию. Я увидел много невероятных вещей. Действительно.

– И вам... – Стефан хотел спросить: «Вам все понятно?», но это прозвучало бы очень грубо, и Стефан перефразировал, – и вы не хотите задать никаких вопросов о том, что увидели?

– Хочу, – гость заложил большие пальцы за лацканы, и Стефан удивился странному жесту, – но я не хочу, чтобы вы задавали их себе. *Неважно*. Не думайте об этом. Мы перейдем ваш опыт, вот что имеет значение. И наша благодарность... найдет себя в каких-нибудь проявлениях.

– Вы переймете опыт? То есть вы будете делать у себя что-то подобное?

Стефан отметил: он не только понятия не имеет, где живет этот человек, но даже предположений у него нет. Судя по поведению – где-нибудь в очень глухом уголке, только вот по виду этого не скажешь. А может быть, на другой планете. Ха-ха.

– Я использую эту информацию для развития бизнеса, – уклончиво ответил гость и вдруг отвесил франтоватый поклон. – Не провожайте меня.

Стефан, не находя слов, смотрел, как солидный мужчина в дорогом костюме удаляется по длинному коридору. Ему снова казалось, что тот едва сдерживается, чтобы не запрыгать по анимированной паутинке на белом полу.

* * *

Ячеистая входная дверь беззвучно сплелась за спиной гостя. Он постоял, с улыбкой шурясь небу, потом дотронулся до мочки уха и тихонько спросил:

– Всё записал?

Послушал.

– Да... Да! Я же говорил: венерианцы – гениальные черти! Эта штука вдребезги бьет все их прошлые придумки... Ну да, кроме вируса войн, конечно. Но даже бубонная чума не была так бесповоротно удачна, как эта Паутинка. Хорошее название, правильное, – мужчина рассмеялся и голосом Стефана проговорил, – космические проекты заморожены, потому что не набирали достаточно лайков, а-ха-ха! Он же все это всерьез сказал, всерьез! А ведь эти земные недоумки уже до Марса добрались, протянули в космос потные ладошки! А теперь что? Цивилизация лайков!

Мужчина рассмеялся так, что на глазах у него выступили слезы. Он аккуратно вытер правый глаз мизинцем, посмотрел на него с недоумением и нормальным голосом продолжил:

– Получай патент. Засылай коммерческие предложения на все планеты с угрозой выхода соседей в космос. А?.. Так адаптируем под другие формы жизни, подумаешь!

Выслушав ответ, пару раз угукнул и отключил связь. Постоял еще, глядя на облака, покачиваясь с пятки на носок и тихонько посмеиваясь.

Потом, осененный новой мыслью, огляделся, всматриваясь в лица прохожих. Все эти люди вокруг, самые обычные люди на своих унылых работах – кто они на самом деле? Кем они не стали? Может быть, этот сутулый парковщик в серой униформе – несбывшийся астронавт? А разносчик пиццы, вразвалку шагающий с коробками наперевес – несостоявшийся космический лингвист? Неуклюжая девица в тесных джинсах – межпланетарный биолог?

Вокруг было множество людей, которые тянули какую-то скучную повседневную лямку, но многие из них наверняка были рождены для большего, а некоторые – для великого. Их просто лишили возможности стать иными, большими и великими. Всех. Одним махом. Эта мысль удивила и заворожила гостя. В этом теле от неё стало даже чуточку тоскливо. Еще с минуту мужчина стоял посреди улицы, пытливо разглядывая прохожих.

– Черти венерианцы, – в конце концов повторил он, заложил руки за спину и неспешно пошел вперед по улице.

* * *

Стефан сел в кресло и уставился на клавиатуру. Плоская, стального цвета, с эмуляцией щелчков ретро-кнопочных моделей. На клавиатуры для свивки сбрасывались всем миром, собирая лайки с первых сотен подписчиков. Отличное было время.

«Иногда мы больше страшимся вопросов, чем ответов», – написал он с корпоративного аккаунта, сам не вполне понимая смысл фразы.

Поднялся. Побродил по офису. Зашел в зеленую зону, посмотрел на темнокожую девочку с кулечками и пельменями. Прошелся до синей, послушал успокаивающие голоса операторов-психологов. Почему-то в голову лезли мысли о морской воде и дружелюбных лицах дельфинов. Потом Стефан неторопливо выпил чашку кофе, глядя через тонированное окно на проспект. Перекинулся парой слов с давешней девицей в длинной юбке. Пошел к границе зеленой и серебряной зон и впервые купил букет у морщинистого мужика.

Ромашки и незабудки. Интересно, где он их выращивает? Почему Стефану до сих пор не пришло в голову сделать сюжет об этом мужике? И цвет ему можно будет присвоить такой же – комбинированный, серебристо-зеленый. Сюжет о добром и бедном человеке, который выращивает цветы на окраине мегаполиса. Наверняка такой ролик наберет несколько тысяч лайков в течение дня.

Вернувшись на рабочее место, Стефан обнаружил, что его пост получил один дизлайк и не собрал ни одного лайка. Дизлайк без лайков, да еще на корпоративном аккаунте. Очень плохо.

Стефан положил на стол ромашково-незабудочный букет, быстренько удалил пост и уверенно отбарабанил на клавиатуре: «Только что провел презентацию свивки на высочайшем

уровне. Вымотан до предела, но очень доволен. Заново осознал, какая это честь и удовольствие – работать для вас!»

За двадцать минут пост получил сто четыре лайка. Стефан был счастлив.

Продавец цветов смотрел сквозь суету свивки мечтательным и грустным взглядом. В его глазах отражались блики анимированной паутинки – словно маленькие, никем не открытые звезды в огромной, прекрасной и бесконечно одинокой Вселенной.

Последняя осень

Этот лес выглядел так, словно война до него не добралась. Что было невозможно, разумеется.

Ведь лес начинался в какой-нибудь полусотне шагов от дома Эшлы – единственного дома в деревне, который не разграбили и не сожгли месяц назад. Дом был крайним и стоял стороне от главной деревенской улицы, в низинке. Его просто не заметили в тот смурной осенний вечер.

– С краю твоя хата, да? – подшучивали в мирное время соседи.

Дошутились.

Кое-то, наверное, всё же успел убежать от бойни и пожарища. Многих, многих не было в числе односельчан, которых Эшле пришлось похоронить. Но никто и не вернулся обратно.

Она остановилась, опершись на смолистый бок соснового ствола, холодный и влажный, как всё вокруг. У Эшлы кружилась голова, и плясали перед глазами мелкие чёрные мошки. Она шла долго, но удалилась от дома вглубь леса едва ли на версту.

Голод давно уже не мучил её. Он стал таким же привычным, как холодный воздух, сочившийся в щели дома. Как страх, из-за которого она не топила печь, хотя рядом был целый лес, и сухостоя в нем хватало.

Но кто знает, что творится нынче вокруг? Чьё внимание может привлечь взвившийся над трубой дымок, который наверняка будет виден за несколько вёрст?

Нет, она не страдала от голода. Но была очень слаба. А ей нужны были силы, ведь в этой мертвой деревне, в этой грязной серой мороси, во всей этой несчастной стране, терзаемой войной, только от Эшлы зависела жизнь четырёхлетнего ребёнка.

Её малыш. Её сокровище. Когда Кирам уходил на войну, сыну сравнялся год. Он был весёлым и розовощеким, смешно топал пухлыми ножками, неумолчно лопотал и очень любил во всё совать свой крошечный курносый нос. Ничего общего с нынешним тощим созданием, которое норовит забиться в угол потемнее и неподвижно, молча сидит там часами. Только лихорадочно поблёскивают глаза, вечно полные животного ужаса.

Хотя Эшла очень старалась оградить его от всех тех вещей, которые неизбежно сопровождают любые войны.

Первый набег на деревню случился в самом начале осени, чуть больше двух лет назад. Тогда ни дом Эшлы, ни её саму не обошли вниманием. Но она успела затолкать сына на чердак и велеть сидеть тихо.

В тот раз в деревне ничего не сожгли и никого не убили. Но весь скудный урожай, жалкие заготовки и немногую уцелевшую живность вымели подчистую.

Эшла прорыдала весь день и всю ночь. Сын, маленьким уютным комочком пристроившийся рядом на кровати, осторожно гладил мать по щеке крошечной теплой ладошкой, тыкался в шею лбом, тихонько сопел над ухом и неловко пытался подоткнуть ей под бок одеяло.

Наутро, щурясь на солнечный свет опухшими глазами и слегка пошатываясь, Эшла отправилась искать еду по соседним селениям. Можно сказать, ей повезло: вторую из посещенных ею деревень налётчики обошли стороной, а у тамошнего старосты удалось сменить мешок муки и куль гречихи.

С обручальным кольцом пришлось расстаться. Всего за неделю до того дня Эшла думала, что скорее умрёт, чем расстанется с памятью о Кираме. Но война и голодные детские глаза удивительно меняют приоритеты.

Однако что такое мешок муки и куль гречихи, когда впереди – целая осень и зима, а по весне нечем засадить огород?

Каждая ложка водянистой болтушки, которую Эшла отправляла в рот, заставляла её страдать. Эшла была бы счастлива разучиться есть, но ей необходимо было как-то поддерживать собственные силы, чтобы заботиться о сыне.

Другим людям зачастую приходилось ещё хуже. После того первого налёта все глаза, с которыми встречалась взглядом Эшла, были голодными. Её собственные – тоже. Наверняка.

Месяц назад, в ту ночь, когда горела деревня, они с сыном отсиживались в лесу. Она надеялась, что он ничего не понимает. И что их дом не сгорит, потому что куда же им тогда идти?

А потом Эшла, шатаясь от слабости и сухо всхлипывая, хоронила односельчан. Тех, чьи изуродованные трупы лежали на улицах. Тех, кто не сгорел в головешки в своих домах. Тех, кто не успел убежать, как она. Тех, кого она знала всю свою жизнь, кто делил с ней эти жуткие времена и как мог подбадривал её и ребёнка, даже если сам едва держался на ногах.

После того дня она осталась совершенно одна. У неё был только сын. И ещё где-то там, далеко-далеко – муж, которому она обещала беречь ребёнка. Как будто материнскую любовь нужно подкреплять обещаниями!

Эшла с тихим стоном выпрямилась, держась за шершавый прохладный ствол сосны. Удивленно посмотрела на свои руки.

Как страшно они выглядят! Сморщенная кожа, пятна, грязь – ладони словно принадлежали старухе, а ведь Эшле не было и двадцати пяти! Сколько дней она провела, копаясь в земле в поисках съедобного корешка? Разрывая огороды соседних, тоже сожженных и разграбленных деревень – иногда на грядках, изрытых копытами вражеских коней, удавалось найти сморщенную картофелину или чахлую морковь. В такие дни у них с сыном был настоящий праздник – горячая похлёбка. В другое время приходилось довольствоваться отваром из укропа, который буйно, словно насмехаясь над людскими бедами, разросся на бесплодных заброшенных огородах.

Она не позволит ребёнку умереть от голода. Она всё сделает и всё отдаст ради него. Когда-то ей казалось, что жертвой, положенной на этот алтарь, было обручальное кольцо. Теперь она понимала: кольцо – сущие мелочи.

Ещё Эшла понимала, что у неё ничего больше нет, поэтому весьма смутно представляла, что же такое это «всё», которое она может отдать. Но её сын не умрёт от голода. Она не допустит. И Кирам вернётся. И война закончится.

Эшла не понимала, зачем идет в эту сторону. За лесом не было никаких селений – во всяком случае, так близко, чтобы её измученное тело могло туда добраться. Но все другие направления Эшла уже обшарила.

Что может быть в лесу или за лесом? Кто знает. Хотя бы ягодный кустарник или грибница. А может быть, съедобный жучок. Или (Эшла задохнулась от собственной смелости) одуревшая от одиночества курица, чудом сбежавшая из какого-нибудь сгоревшего посёлка. Слабенькая, тощенькая, грустная курочка, из которой можно сварить изумительный суп в котелке под навесом.

Когда её сын в последний раз ел мясо? Когда он вообще в последний раз ел?

Его глаза, прозрачно-серые, вечно испуганные и голодные, всё ещё стояли перед мысленным взором Эшлы, когда она вышла на опушку леса и застыла, изумленная.

В какой-нибудь сотне шагов, у берега шустрой речушки, стояла-крутилась меленка. Из трубы просторного дома, притулившись неподалеку, деловито валил сытый густо-белый дымок. Крышу курятника, похоже, недавно перестелили. У низенького плетня стояла телега с впряжённой лошадкой. Гладенькой, довольной, молодой лошадкой, которая бодро мотала головой и хвостом, гоняя мух.

Откуда здесь взялось всё это богатство? Ещё весной за лесом был пустырь! И как это место мог миновать весь тот ужас, что прокатился по округе месяц назад?

Эшла сглотнула и зажмурилась. Потом сжала слабые грязные пальцы в кулаки и открыла глаза. Меленка, домик, подворье – всё было на месте.

Сто шагов. Сколько времени ей бы понадобилось раньше, чтобы преодолеть такое расстояние? Сейчас она еле шла. И не сводила глаз с аккуратного деревянного дома. Эшла боялась, что он всё-таки исчезнет, если она отвернется хотя бы на миг.

До телеги оставалось каких-нибудь пять шагов, когда из дома вышли двое мужчин. Они выглядели удивительно: никаких голодных глаз, трижды залатанной одежды и звериной настроенности, которая появилась у всех в округе к концу первого года войны.

Эшла остановилась. Один мужчина, темноволосый, смотрел на неё изумленно. Второй, светлоголовый, – с грустью и жалостью.

– Я... – голос был похож на воронье карканье, и Эшла удивилась: как чуждо он звучит! Слова приходилось выталкивать из горла, словно оно забыло, как это делается. – У меня ребёнок. Деревню сожгли. Еды нет.

Темноволосый вытаращился совсем уж растерянно. Блондин вздохнул, подошёл (Эшла сделала слабую попытку отшатнуться), легко подсадил её в телегу, на аккуратно сложенные мешки.

Эшла недоверчиво погладила один из них. Сглотнула. Какое богатство! Как, откуда?

– Отвезу тебя домой, – сообщил светловолосый. – Муки дам.

– У меня ничего нет, – отчаянно пискнула Эшла.

– Мне ничего и не надо, – был ответ. – Ты погоди минутку, сейчас поедем. Отдохни пока.

Мужчина отошел. Эшла ещё раз недоверчиво оглянулась и всхлипнула, привалилась к тугому, вкусно пахнущему мешку, чуть присыпанному белым облаком, обняла его и замерла, глотая слёзы.

– Ты её знаешь? – тихонько спросил темноволосый мужчина у блондина.

Тот кивнул, осторожно вытянул шею, заглянул в телегу.

– Задремала. Это Эшла, наша блаженная. У неё ребёнок умер во время войны, тогда она умом и повредилась. И муж тоже сгинул, не вернулся.

– Несчастливая, – вздохнул темноволосый. Помолчал. – Так что ж, все сорок лет после окончания войны она так и бродит по округе?

– Не, – блондин помотал головой и полез в телегу. – Так-то она нормальная старушка, коврики плетёт, а мы её подкармливаем. А вот после сбора урожая на неё временами находит – ребёнок-то ейный как раз осенью умер. В последнюю осень войны.

– От голода? – зачем-то спросил темноволосый.

– От легочной горячки. Застудился... Н-но, пошла, лошадка!

Эшла сладко посапывала во сне, обнимая мешок муки. Доброе морщинистое лицо освещала осенним солнышком счастливая доверчивая улыбка.

Приручить принцесску

Я еще даже не вырыл себе толковой норы для ночевки, когда мне на голову свалился Бринн и заявил: «Мы с тобой сопрём принцессу!»

Я с досады чуть не жажнул по этому болвану огнём. Я-то думал, в новом логове меня никто не найдет, но на тебе – еще обжиться не успел, а этот порождатель лютой ярости уже тут как тут.

Но я не жажнул. Во-первых, Бринн – хороший собутыльник, во-вторых – единственный человек, который при виде меня не убегает с дурными воплями «Драко-он!», а если я хочу научиться перекидываться в этих существ, то нужно изучать их, а не жечь.

Так что я проглотил первые четыре ответа и спросил:

– И на кой нам принцесса?

Бринн вытаращил на меня ясные серые глазищи:

– Ты глупый, что ли, Горгий?

Я уставился на дыру в виноградном навесе, которую проделал этот обалдуй. Может, и глупый.

Жрать людей я не люблю, разве что с большой голодухи, тыква – и та вкуснее. То, что мы девок насируем – бесстыдная ложь, кто-то большой на всю голову её выдумал, а остальные больные поверили. Говорить нам будет, наверное, не о чем – ну что общего у меня с принцессой, тролья мать забирай?

Так на кой она мне?

Бринн фыркнул в пшеничные усы.

– За неё же полцарства дадут, дуралей!

– Да? – я присел на дровяную колоду. – А кто?

Бринн в непонятном восторге хлопнул себя по тощим ляжкам:

– Во ты дуралей! Государь, конечно, батюшка ейный!

Хм-м. У нас есть похожий обычай: мы за первенца драконихе осьмушку сокровищницы отдаем. Но принцесса ведь давно родилась, да и мы с Бринном тут не при чем. Зачем государю дарить нам полцарства за принцессу?

Ну, Бринн мне объяснил, что есть у людей такой ритуал: если дракон умыкнет принцессу, то ейные родители сразу отдают полцарства тому, что дочку вернёт. Иногда еще отдают саму принцессу в жёны, но только если она страшная. А та, которую мы будем воровать – красивая, поэтому нам дадут за неё только полцарства, без довеска.

Правда, сказал Бринн, предполагается, что спаситель в одиночку прибьет того самого дракона, который принцессу упёр (тут я расхохотался так, что чуть с колоды не сполз), но мы государя как-нибудь перехитрим. Покажем ему мой выпавший сменный зуб, к примеру. То есть Бринн покажет. И скажет: всю башку отпиливать было хлопотно, устал, не могу.

Полцарства или даже его четверть мне были совсем ни к чему, зато Бринн пообещал отдать мне все камни, какие окажутся в полцарстве.

Очень глупым посчитал я этот человеческий ритуал, но решил поучаствовать. В человека превратиться сложно – говорят, сотни лет нужны, чтобы изучить их натуру и способ действий, и надо ж мне когда-то начинать!

Для виду я немного потрепыхался: не умею, мол, с принцессами обходиться, даже не знаю, чего они жрут, и возиться с нею мне вовсе не хочется, но Бринн меня успокоил. Сказал, что сейчас мне всё объяснит, а забирать девицу придет на следующий день, не позже.

* * *

Море. Красивое тут море, пахучее, серо-зеленое. И каменный дворец красивый, и выдающаяся в море терраса.

И верещащая девица. То есть заверещала она потом, когда увидела меня. Наверняка подумала плохое и, в общем-то, не зря. Я не стал томить принцесску неизвестностью: она еще не успела перехватить воздуха для нового вопля, а я уже сграбастал ее за бока.

Понятно, почему принцесску тут никто не охранял: с моря к террасе не подобраться. С воздуха – другое дело.

Я поудобнее перехватил вопящую девицу и заложил круг над замком. Бринн сказал, это часть ритуала – все должны увидеть дракона, который забрал принцесску, иначе не считается. Под пузом пронесли башенки, потом показался сад с фонтанами и беседками, а за его оградой – полный двор государевой челяди. У всех пасти раззявлены, глаза выпуклены. Корзинки бросают, руки заламывают и приседают зачем-то, будто думают, что не достану, если захочу. И несется над башенками, над фонтанами и двориками привычный мне дурной вопль:

– Драко-он!

А я еще один круг над двором – вж-ж-ж! И огнем в башенку – тьфу! И принцесска в моих руках: «Ви-и-и!»

Загляденье!

Потом я плюнул огнем в ужасно придурочную беседку, всю в резных завитушках – просто чтоб она стала красивой, – и завис в воздухе. Полюбовался на перепуганный народец, на пожарчики, помахал челяди лапой. Отчего-то это всегда пугает людей до отключки – может, оттого, что жест похож на ихний, человеческий? Вот и теперь – аж на пузы попадали, стали отплывать под кусты и скамеечки. Дуралеи. Надо будет как-нибудь поговорить с ними.

Я накинул принцессе на башку мешок, еще раз помахал кустам лапой и, набирая высоту, полетел к логову.

* * *

Понятия не имею, кто занимался воспитанием этой девицы. Наверное, дикие кабаны.

Я рассчитывал, что за время полета она припомнит много жутких историй про похищенных драконами девок и в ужасе сбежит от меня в чулан с соленьями. Запрется там и будет молить богов о спасении, понемногу подъедать квашеную капустку и с надеждой поглядывать в щель меж дверными досками.

Но принцесска никуда не побежала и даже в обморок не грохнулась, а крик подняла на всю округу, всех кабанов, небось, распугала. Я ей рявкнул строго: «Место!» и указал на лежанку, но в ответ в меня полетела ругань и маринованные огурчики. Потом она стала швырять всякие другие вещи, ну, что под руку подвернулось – черпаки, горшочки, собственные башмаки и увесистые пустые кадушки.

К такому Бринн меня не готовил! Никак она пугаться не хотела, а бить её я остерегся, чтоб случайно насмерть не отшлепать. Так что в конце концов просто шугнул её струей огня подальше в чулан и быстренько захлопнул дверь, набросил засов да для верности бревнышком подпер.

Не был я уверен, что эта норовистая девица не сделает подкоп при помощи глиняных черпаков и трольей матери, но тут уж решил – пусть будет как будет. Если сбежит – мы с Бринном новую принцесску поищем, в удаленных краях. Может, она окажется поспокойней нынешней.

Я даже почти захотел, чтобы она сбежала. Я бы двадцать раз подумал, стоит ли её воровать, если б знал, что она такая бойкая. Или принцессы и должны быть такими, а у меня неправильное понимание сложилось? Все-таки людей я плохо еще знаю, хотя до сих пор все мои наблюдения говорили о том, что их образ мышления мало отличается от нашего.

И чего их изучать сотни лет, спрашивается? Не понимаю.

Ночь я провел в норе, и снились мне летающие маринованные огурчики.

Утром первым делом я проверил чулан, открывать не стал, просто прислушался у двери. К добру или нет, но принцесска осталась на месте, и я пошел дальше обустройства свое логово. Нужно было натащить в нору бревен, выкопать приличный зал, обжечь камни – много чего было нужно, словом, чтоб нора понемногу превратилась в нормальное логово. А там, глядишь, и Бринн появится.

Принцесска соскучилась к полудню. Дождалась, пока я в очередной раз буду проходить мимо чулана, и надрывно просипела из-за двери:

– Э-эй, драко-он!

– Чего тебе?

– Выпусти меня отсюда!

Не успел я удивиться эдакому нахальству, как принцесска негромко добавила:

– Немедля.

И таким властным был её голос, что я чуть не бросил охапку камней и не потрусил отпирать двери, пригибая голову. Но вместо этого хлестнул себя хвостом под коленку, побольнее, рыкнул: «Перебьешься», плюнул огнем на порожек и прошел мимо.

Следующую попытку она предприняла ближе к закату. Я за день основательно умаялся: успел выкопать хороший кусок зала, обжечь десяток валунов, сожрать половину припасенного козленка и перетащить в логово несколько бревен. Бринн все не появлялся.

– Ну драко-он! – снова зашептала девица.

– Чего тебе?

– Тебя как звать-то?

– Горгием зови. Для краткости.

Она помолчала. Я ждал.

– Что это за место?

– Логово моё. Непонятно, что ли?

– Непонятно. Откуда у дракона чулан с соленьями?

Я не ответил. Логово совсем недавно было бандитским, но я решил, что дракону оно подойдет больше. Сами виноваты, нечего было мою лёжку выслеживать – или уж надо было сразу кидаться да забивать, а не украдываться обратно в своё логово. То ли эти балбесы решили, что я спал и не заметил их, то ли побоялись вчетвером лезть на дракона без самострелов – не знаю. А ведь забили бы, скорей всего, не такие мы, драконы, огромные, – как две... ну, три лошади. И не такие уж огне- и лапоопасные, как люди думают.

Но пусть лучше думают!

– Ты меня похитил, чтобы съесть? – подала голос принцесска. Спокойно так спросила.

– Нет.

– Значит... чтобы надругаться?

– Девочка, ты ж лопнешь, – покрутил я пальцем у виска.

Она молчала, соображала. Я ждал.

– Хочешь получить выкуп?

О, смотри-ка, принцесска не совсем дура, еще и звезды на небо не высыпали, а она уже додумалась.

– Хочу. Полцарства.

Она снова замолчала, надолго. Я постоял-постоял, да пошел себе дальше нору копать.

Отмерла принцесска уже по темени, когда я доедал вторую половину козленка, аж придремывая у костра от усталости.

– Э-эй, дракон! Горгий!

– Чего тебе? – я сплюнул косточку.

– Выпусти меня отсюда, – жалобно. – Мне тут плохо.

Я рассмеялся. Что ты знаешь про «плохо», балда в крашеном платье!

– Тут воняет капустой. И лежанка воняет. И пол твердый. И... кхм, ведро уже полное.

Я зевнул, встал, неторопливо потянулся и принялся затаптывать костер.

– Тут темно и страшно! – повысила голос принцесска.

– Тебя обогреть, что ли?

Она заткнулась. Где там этот Бринн?!

Принцесска молчала все время, пока я разбирался с костром и лез в нору.

* * *

На следующий день Бринн не появился, и я занервничал всерьез. Принцесска маялась и со скуки задавала мне кучу вопросов: а как драконы то, а как драконы сё. Потом у неё в корытце закончилась вода, и пришлось-таки отпереть чулан.

Сбежать девица не попыталась, хотя я бы не удерживал. Но она видать, рассудила, что раз я до сих пор ей ничего не сделал, то и дальше меня можно не бояться, а с волками или бандитами может так не повезти.

Что ж там не сложилось у Бринна-то, а? Как бы узнать?

Она мой взгляд поняла правильно и говорит:

– А может, меня не ищет никто. Может, родители только радуются, что ты меня похитил. У них нас-то семеро, принцесс и принцев, и я – самая младшая. А вдобавок у меня самый трудный характер. Даже изподкроватный монстр от меня сбежал.

М-да. Выходит, государь за принцесску полцарства не отвалит. И правильно сделает, между прочим, раз детей у него семь, а полцарствов – всего два. Проблема в том, что Бринн, когда сообразил это, сбежал вслед за монстром, кажется.

И что выходит – девица тут навсегда останется?!

– И жили они долго и счастливо, – пробормотала принцесска, словно услышав мои мысли. И расхохоталась, как будто всю жизнь мечтала переселиться в драконово логово.

Такой поворот мне очень не понравился, потому девицу я загнал в хибару (а нечего без меня шляться по логову!) и полетел на разведку к ближайшему городку.

До городка было далече, стоял он как раз на полпути между дворцом и логовом. Я приземлился за ближайшим пригорком и стал готовиться, то есть встал на четвереньки, укрылся крыльями, закрыл глаза и принялся повторять:

– Доска вестей. Доска вестей. Три квартала к югу. Ничего не жрать. Не жрать. Три квартала к югу. Не жрать. Доска вестей.

Прийти в город я решил в виде собаки. Из всех существ, в которых я могу перекинуться, она самая разумная, то есть все остальные еще хуже. Разве что лошадь тоже хороша, но внимания привлекает много, да и спрятаться ей труднее, если кто вздумает изловить.

Когда я изучу человека – жить станет проще. В человеческом теле даже жрать можно, не боясь застрять в ипостаси, потому что разум у нас схожий и большой. А животным если пожрешь – оно от удовольствия берега потеряет с концами, вытеснит драконье сознание, и вернуться потом будет почти невозможно. Опасность срастись с ложной сущностью, потерять в ней себя – толковая плата за способность менять облик!

Запахи стали острее, голова закружилась, когда тело принялось стремительно уменьшаться, и я почувствовал, как земля несется навстречу. Открыл глаза. Ковер клевера и пырея

непривычно близко, прямо под мордой. Мощные лапы с серой шерстью. Сочный запах травы. Трава невкусная. Ветер трогает шерсть. Пахнет горячей кашей. Каша вкусная. Близко жильё.

Шаг. Прыжок. Дальше! Бабочка! Клац-клац зубами! Улетела, пусть. Трава трогает лапы. Трава хорошо пахнет дохлым кротом. Валяться, кататься, гр-р-рау! Трава примялась, пахнет травой. Ветер пахнет кашей. Хорошо!

Встать? Нужно бежать. Нужно в город. Там каша. Там мясо. Рядом город пахнет плохо. Пахнет крысой. Пахнет дымом. Щекотно носу. Пахнет кожей. Мокрое дерево. Лапы скользят. Мокрая шерсть. Мокрые доски. Мокро.

Пищит мышь. Под ногами мышь! Клац-клац-клац, прыжок, догнать, догнать! Нет! Не жрать. Не жрать. Что?

Город не пахнет травой. Город пахнет кашей. Пахнет крысой. Мокрые доски. Зола. Ноги в башмаках топ-топ. Пахнет горелым жиром. Три квартала к югу. Что? Город воняет. Хочу на траву. На траве дохлый крот. Крот не воняет.

Нет! Три квартала к югу. Ноги в башмаках. Башмаки пахнут старым салом. Булыжники под лапами. Лапам холодно и скользко. Хочу на траву. Доска вестей. Доска вестей. Смотреть. Зачем? Кора с чернилами. Еще кора. Пахнет воском. Чхи! Кора. Тканевый лоскут. Чернила. Доска. Пометить!

Можно вернуться на травку. Крысы под ногами. Крысы пахнут крысами. Клац-клац-клац, пры-ыжок! Не жрать! Не жрать крысу! На травку! Дохлый крот!

* * *

– Никто тебя не ищет, – «осчастливил» я принцесску. – Люди в городе поговаривают, что в этих краях завёлся я, но про тебя – ни слова. И на доске вестей ничего про нас не писано. Вообще.

Она медленно вышла из хибарки, глаз не поднимая, села на колоду для рубки дров, руки свесила. И так тяжело вздохнула, будто болит у неё чего. Может, живот подвело от квашеной капусты?

Так она и сидела, пока я свеживал пойманного по дороге кабанчика и разводил костер. А я понял вдруг, что даже не знаю, как она выглядит, потому что не присматривался к ней. Все эти дни принцесска для меня была просто увесистой светловолосой девахой в желтом платье. Какой смысл запоминать того, кто рядом ненадолго?

Теперь я рассмотрел её. Руки округлые, чистенькие такие, кожа белая-белая, ни веснушки, а брови темные и щеки под ними круглые, как у ребятишек. Лица не разглядеть, потому что сидит принцесска, опустив голову, а закат ей волосы подсвечивает красным, очень красиво получается, будто голова горит.

– Ну что, – говорю ей, – придется мне назад тебя тащить. Не дают за тебя полцарства – что тут поделаешь.

Тут она голову подняла и уставилась на меня, совсем как Бринн, бывало, уставлялся. Глаза у неё прозрачно-голубые, как ларимары из моей сокровищницы, ресницы темные, щеки румяные, а нос и рот маленькие, аккуратные, как на куколках рисуют.

– Не хочу я обратно, – сказала, как отрезала. – Тут останусь.

– Вот еще! Нужна ты тут больно! Завтра же место! То есть домой!

Сунул ей шмат жареного мяса на дощечке. Схватила двумя руками, зубами впиалась, чавкает, чуть ли не рычит. Выходит, принцесскам мясо больше в охотку, чем капуста – в этом они совсем как Бринн. Может, девица еще и вино пить будет?

Дожевывая на ходу кабанью ногу, я прошелся до кладовки, взял там пару бутылок яблочного. Сковырнул пробки ногтем, дал одну бутылку девице. Она на меня глазами так стрельнула сердито, но взяла.

Сидим, жрем мясо, пьем вино. Совсем как с Бринном, бывало, чтоб ему ногу сломать. Ночь уже настала, костерок трещит, звездочки с неба мигают, в лесу волки лаются – красота!

– Хотя бы ненадолго оставь меня, – жалобно так попросила, тихо. – Тут вольно, чисто. А там меня не ждет никто, не нужна я, видишь, как получилось. Дай хоть продышаться на воле. Я же никогда на воле не жила. Не гони, а?

Махнул я рукой: мрак с тобой, оставайся. Буду изучать людей на примере принцесски. Чем она хуже кого-нибудь другого из людей? А начнет доставать – возьму за бока да утащу куда подальше, всего делов. Обратной дороги она даже из ближнего леса не найдет, девица-то.

Кивнул я ей, потянулся, да и полез в нору. Устроится сама, небось, от разбойников в хибаре и кровати остались, и ящики с каким-то человеческим барахлом. Так что принцесска тут очень даже неплохо обживется. А там посмотрим.

Засыпая, я слышал, как девица чавкает остатками мяса и булькает вином.

* * *

В общем, прижилась принцесска, то есть Далиша. Она почти не путалась под ногами, мало мешала и много помогала: постепенно и нору мою мы до ума довели, и вообще в логове порядка стало больше.

Далиша рассказывала в людях всякие интересные штуки, которых мне не доводилось слышать от Бринна. Показала, как вкусно готовить кабанчиков, с чесноком и травками всякими. Научила человеческим песенкам, которые нужно петь перед сном, чтобы отвадить от жилья злых духов, что приманиваются на принцессок. И вечерам, когда она уходила спать в хибару, я еще задерживался у костра, чтобы выполнить этот ритуал.

*Пчёлки затихли в саду-у-у,
Мышки уснули в пруду-у-у, –*

старательно выводил я, и из леса мне подпевали волки. А в хибарке что-то хрюкало. Наверное, злые духи корчились.

Еще Далиша меня научила резаться в игры с картишками и камешками. Это оказалось еще увлекательней, чем играть с Бринном в кости. Картишки мы сделали из кожи кабанчиков, а рисунки на них – сажей, смолой и кровью. Камешки Далиша насобираала в окрестностях, а досочки для них уже я соорудил. Так что мы, бывало, целыми днями резались в картишки-камушки, сначала на интерес, потом – на то, кто будет нору рыть, воду носить из ручья и кабанчиков жарить. А потом, когда я продул целый век рытья нор и попробовал отыгаться – остался до кучи должен девице жменю ларимаров из сокровищницы, голубых, как её глаза.

В общем, привыкли мы друг к другу, даже привязались, и речи про то, чтобы отправить Далишу обратно во дворец, я уже не заводил. Зато еще больше захотел постичь человеческую натуру и научиться перекидываться в человека. Потому что Далиша мне очень, ну просто очень нравилась. Только я чувствовал, что до таких превращений мне еще пахать и пахать. Я не мог сообразить, что такого сложно и непостижимого в человеческой природе: ну во всем они, люди, были похожи на нас – и при этом видел, что даже краем не познал их натуру. Куда нужно смотреть, чтобы увидеть недостающее – я пока не понимал. Но очень меня это тревожило: если я и правда потрачу на это сотни лет, то Далиша, наверное, сильно расстроится. Сейчас ей нравилось устроиться у меня под крылом и мурлыкать, топорща чешуйки на боку, но едва ли ей захочется провести так еще лет триста.

А потом на логово напал драконоборец.

То есть, это он так думал, что он драконоборец и что напал. Я-то на расстоянии полета стрелы услышал топанье его лошади ибряцанье железок. Не то чтобы меня пугал один конный

балбес, но за ним мог тихонько подбираться еще десяток балбесов с арбалетами, а это – верная смерть.

Помирать мне было не к спеху, потому, когда драконоборец спустился к логову, встретила его невозмутимая Далиша, волоокая пятнистая корова и жареный кабанчик на вертеле.

Драконоборец был рыж, бледен и смердюч. А Далиша теперь была загорелой, носила штаны с кожаными лоскутами и пряжками да рубахи с тесемками, которые остались в логове от разбойников, волосы заплетала в косу, очень ловко обращалась с ножами и яблочным вином. Немудрено было её саму принять за разбойницу, и драконоборец, судя по вытянувшемуся лицу, сначала так и подумал. Потом задал Далише несколько осторожных вопросов про дракона, убедив меня, что приехал сюда не случайно. Потом подтвердил, что государева награда за меня назначена еще «С того дня, как паршивый гад напал на замок». О том, что я принцессу умыкнул – ни слова. Назначенная государем награда была так себе, о логове никто ничего не знал, есть ли у меня сокровищница – тоже было непонятно, так что охотников скакать на разведку как-то не находилось. Потому и на досках вестей эти воззвания скоро залепили поверху другими. А на днях всплыла пара топазов «умыкнутая из сокровищницы гада, пока тот спал» и более-менее точное указание на само логово. Откуда всплыло – драконоборец сказать затруднялся, но на разведку снарядился. Один. Поскольку совсем дурной.

Все это я воспринимал коровьим ухом, как бессмысленный бубнеж, обдумал уже потом. А пока этот бледный и смердючий разливался перед Далишей, я больше был сосредоточен на кусочках слепнях, сочной травке за пределами логова и противном зудучем голосе, который не пускал меня к травке.

Потом драконоборец осмелел, уверовав, что девица в этом месте как есть одна, и попер на неё вовсе не с драконоборческим интересом – сначала остороженько, а потом, когда она растерялась, испугалась и за нож не схватилась – уже решительно.

Корова – животное страхотно тупая, но опасность для человека-хозяина понимает будь здоров, как любая скотина. Потому я не в собаку перекинулся – та бы бросилась на драконоборца сама. А смиренная корова опасной ситуации испугалась, заметалась и ухватилась за сознание не смиренного меня.

Не смиренный я принял свой обычный облик и сказал драконоборцу:

– Привет.

– Твою мать! – заорал драконоборец, отскочил от Далиши и попытался дать дёру.

То, что от него осталось, я прикопал за пределами логова и прижарил землю хорошенько, чтоб волки не лезли. Нечего человечину жрать. Далиша, опомнившись от первого испуга, выразила желание попрыгать на остатках драконоборца, чем изрядно меня удивила. Прыгать я ей, конечно, не дал. Подвернет еще ногу, возись с ней потом. Не до того нам теперь будет.

Лошадь мы оставили, пригодится. И решили убираться на юг, хотя мне страшно жаль было свежестроенную нору. Но что делать, если про логово теперь вся округа знает и покоя здесь не будет? Я старался утешать себя мыслью о скорой осени, которая в этих краях дождливая – никогда не любил летать в дождь, на юге лучше будет.

Зачем Бринн рассказал людям про логово – непонятно. А кроме него было некому. Зачем показал людишкам какие-то топазы, возбуждая в них охотку лезть на дракона – тоже придумать не могу. Топазы точно не мои, в жизни я их не держал в сокровищнице, да и не здесь она. А где – Бринн даже не знает, только я знаю, да вот Далиша теперь.

Собрались мы быстро, пошвыряв в пару мешков самое необходимое: одежду, одеяла и подушку для Далиши, вертела, ножи и вино. В двадцать верстах к югу я знал хорошее место в диких лесах, и мы решили сначала перебраться туда, а потом уже основательней присмотреть новое логово.

В два прихода перенес я туда Далишу, лошадь и тюки с вещами, устал, как ездовой дракон, и отрубился на ночь, даже не поскучав о старом логове.

А наутро Далиша, глядя на меня виноватыми заплаканными глазами, заявила:
– Горгий, мне нужно кое в чем признаться. Я никакая не принцесса.

* * *

Не знаю, рассказала бы Далиша правду, кабы мы не собрались уехать из этих краев. Очень уж ей хотелось повидаться с родителями хоть разочек до того, как мы переберемся дальше на юг.

В общем, оказалось, что Далиша просто служила во дворце при настоящей принцессе, меняла цветы в вазах и приносила свежие полотенчики, время от времени получала полотенчиками по лицу и терпела щипки принцесскиных братьев. Когда Далиша сообразила, что я её утащил, перепутав с государевой дочкой, правду мне рассказывать не бросилась, боялась, что выставлю её из логова на произвол судьбы, на радость волчьей стае. А потом уже как-то неудобно стало признаваться.

Так вот почему на досках вестей не было ни слова про принцессу! Вот почему никто не всполошился сверх меры! И вот почему Бринн пропал! За служанку не то что полцарства – полмедяка бы никто не заплатил, а настоящую принцессу после моего налета стали охранять пуще глазев, так что вся затея пошла пеплом.

Но зачем Бринн навел на логово драконоборцев – это оставалось непонятным.

– Мне так сты-ыдно, – всхлипывала Далиша, и нос у неё был красный, как пироп, а может, как корнеол, – так стыдно за свою ло-ожь!

Я взял её за подбородок, поднял голову. Нет, больше похоже на гранат.

– А теперь я знаю, что в эти края не вернусь, – она стиснула мой палец, – и я просто... просто... я хочу обнять маму на прощанье, понимаешь?!

Я не понимал. Но и перечить не стал – трудно, что ли, набросить крюк? Было бы, о чем реветь. Про себя я сделал заметку подробней расспросить Далишу про человеческие семьи, когда она успокоится.

Её родители жили в приграничном городишке, западнее покинутого нами логова – примечателен был городишко именно своим положением и военным гарнизоном, который в нем стоял. На драконе в такое место не прилетишь, если дорога шкура.

Так что Далиша въехала в городишко на ослике мышиноного цвета. Очень мне не хотелось перекидываться в осла, потому как нет глупее твари. Я бы предпочел лошадиную или собачью ипостась, но Далиша убедила: на собаке от приставучих соседей не уедешь, а на коня пойти вскарабкайся. И внимания ослик не привлечет, не будут потом соседи судачить, что похищенная из дворца девица разбогатела, аж на целой лошади катается.

Ох, как же я не люблю это ушастое недоразумение!

Земля стремительно приблизилась, носу стало щекотно от пыли, копыта сразу же увязли в ней до трети. Это вы называете дорогой? Это... Дорога. Путь. Пыль. Нос.

Далиша пнула ослика пятками, и тот послушно потопал по дороге.

Бок. Шаг. Путь. Пыль.

* * *

Морковка. Сладко. Сок. Хруст.

– Я ж говорил, его легко надуть. Такой дуралей! – худой мужчина с пшеничными усами смеялся и хлопал себя по ляжкам, глядя, как мышиноного цвета ослик с удовольствием хрупает морковью. – Так где, ты сказала, его камушки спрятаны?

– Я ничего не говорила, – хмурая девушка в мужской одежде морщилась, будто у неё болел живот.

Посетители трактира обходили парочку, косились недовольно: ишь, встали перед самой дверью, до коновязи нельзя отойти?

– У-тю-тю, – протянул мужчина. – Ты важная птица у нас теперь, да? Не задирай нос, милая. Без меня ты не доберешься до камней и не продашь ни одного, ясно?

– Ясно.

Мужчина потрепал девушку по плечу.

– Не кисни, милая. Всё будет просто замечательно, – присел перед осликом, – а тебя мы с собой заберем, ушастенький. Я на тебе буду поле объезжать. А потом на живодерню сдам, когда ты ногу сломаешь. Ведь сломаешь, правда?

– Издеваться обязательно? – рассердилась девушка. – Он же тебе ничего не сделал!

– Обязательно, – с удовольствием подтвердил мужчина. – Просто потому что могу. Не люблю ползучих гадов, знаешь ли, особенно когда они шибко умными заделываются.

Мужчина щелкнул ослика по лбу, тот тряхнул головой, посмотрел сердито и захрупал новой морковкой из подвязанного к морде мешка.

– Пойдем, милая, – мужчина развернулся к таверне. – Поедим, попьем, и ты мне всё расскажешь. Ты же у меня всегда была умницей, правда ведь?

Весело насвистывая, он направился к двери. А девушка стояла и смотрела на ослика, и её голубые глаза, полные слез, были похожи на ларимары в россыпи мелких алмазиков.

– Ты идешь? – окликнул мужчина.

Девушка медленно опустила перед осликом на колени.

– Не могу, – тихо сказала она, глядя в глупые карие глаза. – Я не думала, что это будет вот так.

– Милая, что ты делаешь? – раздраженно повысил голос мужчина.

Она схватила ослика за уши, потянула сильно, до боли:

– Посмотри на меня! Пожалуйста! Посмотри на меня!

* * *

Всё-таки люди гораздо сложнее, чем я могу себе представить. Даже если про сотни лет изучения – это байки, то на много десятков мне точно хватит. И как оно пойдет – одному мраку ведомо: я обнаружил только первое серьезное отличие между драконами и людьми, и оно меня тут же чуть не убило.

Далиша клялась никогда больше не врать, но мне это не очень-то понравилось: как я научусь отличать правду от лжи, если не по живому лжецу? Мы, драконы, конечно, любим хитрить, но по-иному: недомолвки, двойной смысл фраз, умолчания – это по-нашему. А чтобы говорить явную неправду – нет, так мы не делаем, и мне придется постигать, изучить, воспринимать эту науку, эту часть человеческой природы.

Еще Далиша пояснила, что люди живут куда меньше, чем я думал прежде, до одного века – и то почти никто не дотягивает. Так что она едва ли будет жива к тому дню, когда я сумею перекинуться в человека.

Но Далиша всё равно осталась со мной. Ей нравится жарить кабанчиков, пугать волков, летать на моей спине над морем и спать у меня под крылом. И мне это тоже нравится. Я даже почти не расстраиваюсь. Ведь любой человек может стать лишь коротким рассказом в долгой-долгой истории моей жизни.

Зато рассказ про Далишу будет счастливым. Несмотря ни на что.

Я это точно знаю.

Вопрос доверия (из цикла «Неизлечимые»)

Нужно обратиться к магу за избавлением от этой напасти, ибо маги, хоть и не всесильные, обладают поразительными возможностями. К тому же они весьма дружелюбны, очень ответственны и никогда не оставят человека наедине с его бедой.

Из обращения жреца ортайского поселка к жителям.

Жрец – осёл

Написано пальцем на слое золы

Дом горел.

Шумно и дымно, под завывания ветра, который хватал горсти злых красных искр и пытался добросить их до крыш соседей.

Вокруг дома металась женщина, кричала, снова и снова рвалась внутрь, и всякий раз ее с руганью оттаскивали.

Речка была совсем рядом, за околицей, туда-сюда бегали люди с ведрами, но вода бес-толково лилась на стены, не доставая крыши.

– Р-разбежаться!

Никто не понял, откуда появились двое всадников – возникли как по волшебству среди суеющих людей.

– Посторониться!

Всадники прыгнули наземь и принялись выкрикивать слова на незнакомом селянам напевном языке, раскидывать руки, словно большие встревоженные птицы. В первый вздох их приняли за безумцев, потом – за непотребцев, что пришли упиться чужим горем.

А потом на горящий дом полилась вода – размашистыми плесками, будто два пришлых человека таскали ее из реки в невидимых глазу ведрах.

– Маги! – наконец догадался кто-то.

Незнакомцы расхохотались, будто услышав отменную шутку.

А дом вел себя так, словно в него вселилась злая сущность, которой хотелось гореть: там и сям занимались уже погасшие части крыши, потом пламя рванулось из окон. Можно было поклясться, что огоньки норовят вернуться от плещущей воды. Ветер тоже озлился, бросался на людей с отчаянной силой, и те пригибались, шурились, задерживали дыхание. С треском рухнула часть крыши.

– Сбоку, гляди, из окон! – орал один маг другому, и в голосе его был непонятный, неподдельный восторг.

Люди тоже что-то кричали, но маги не слышали их голосов за воем огня и ветра, за рыданиями женщины.

– Ох и силен! А два ведра махом? Слабо?

– Мне-то слабо? А вот тебе!

Вокруг дома натекали лужи, маги продолжали призывать воду из речки, а в их голосах, выкрикивающих заклинания, звучал чистейший, почти детский задор.

И пожар сдался. Перестали проклевываться новые огоньки, подуспокоился ветер – словно недобрая невидимая сила сдалась двоим неутомимым магам, решила восполнить неудачу в другой раз.

Огонь затух, по стенам лилось, утихающий ветер нес по селу клоки дыма.

Черпнув из реки еще по разу, маги уgomонились, отступили. Утирали лбы, тяжело дыша, словно не колдовали, а бегали с ведрами. Одинаково мотали головами, и их длинные волосы,

темные у человека и светлые у эльфа, закрывали лица. Потом оглядывались вокруг с гордостью, словно говоря: «Как мы его, а?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.